

СЕРГЕЙ ЛЫСКОВ

ТУМАН БУДУЩЕГО. УМНЫЕ РОБОТЫ

сборник фантастических
рассказов

Сергей Лысков

Туман будущего. Умные Роботы

«Автор»

2025

Лысков С.

Туман будущего. Умные Роботы / С. Лысков — «Автор», 2025

Друзья, перед вами начало большого и увлекательного путешествия в мир будущего – робкие шаги человечества по освоению космоса и ближайших планет. Да, не сразу, да, через драму, боль, пот, кровь, и слезы, но люди смогут покинуть «колыбель цивилизации», потому что рядом будут покорные и верные слуги – умные роботы. Этот сборник рассказов предвидит будущее, несмотря на туман грядущего момента, он приоткроет нам истинный вид нашего завтра. А вот каким оно будет, читайте на страницах книги, вдумчиво и со страстью. Верю и знаю – будет интересно.

© Лысков С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Разговоры по душам	5
Площадь Независимости	6
Эфир от 5 апреля 2089 года	9
Эфир от 6 апреля 2089 года	12
Жидкий корм	15
Эфир от 9 апреля 2089 года	21
Эфир от 12 апреля 2089 года	25
Урна с прахом	29
Эфир от 3 мая 2089 года	35
Камнею и платок	40
Радиация	46
Хочу домой!	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Лысков

Туман будущего. Умные Роботы

Разговоры по душам

Моему отцу, настоящему патриоту спутника, посвящается!

Артём Цап

Площадь Независимости

Если честно, старик в умной одежде выглядел нелепо. Все-таки обтягивающие вещи – это для молодых. Особая ткань, имитируя рубашку и брюки, не могла корректно отобразить границу талии, и та скакала вверх-вниз, вызывая смешки у окружающих. Но бог с ним, с внешним видом – озадаченный Аркадий Борисович Цап уже полчаса стоял перед роботом-регистратором. Машина не пропускала туриста-землянина и, хуже того, не могла найти алгоритм действия для его нестандартного случая. Напряжение росло параллельно длине очереди, а когда робот завис, толпа загудела, требуя ручной обработки данных.

– Не думал, что будет так сложно, – тронув манжет рубашки, тяжело вздохнул Цап.

На рукаве появилась инфографика функционала тела. Подсвеченные красным цифры настораживали, весь гормональный фон уверенно скатывался в зону патологии.

– Ну, конечно, будет одышка, сердце, как барабан, тарахтит, – активировав тактильную клавиатуру, он вывел на панель данные эндокринной системы. – Ого, у меня надпочечники кортизол гонят как сумасшедшие, еще бы мотор не тарахтел!

– Уважаемый, у вас все хорошо? – спросил стоящий за ним мужчина. – Просто воротничок покраснел, – он показал на свой костюм, намекая на защитную функцию умной одежды. – Вызвать медиков?

– Не надо, всё под контролем, – улыбнувшись, ответил Цап. – Сейчас все исправлю, просто забыл надеть ингалятор, с возрастом память уже не та.

Он достал из сумки необычный предмет прямоугольной формы и поднес его ко рту, и, как только губы тронули устройство, гаджет раскрылся прозрачной лицевой маской, плотно накрыв нижнюю половину лица. На старика посмотрели, как на пришельца: умная одежда, дорогушая камера, дыхательное устройство. Так и напрашивался вопрос: кто ты, старик? Но Аркадию Борисовичу было не до объяснений. Жадно сделав вдох, он наконец почувствовал облегчение, ритм сердечной мышцы замедлился, зрачки немного сузились, а во взгляде ясность сменила панику.

– Работает, – буркнул он себе и расправил плечи. – Вот видите, воротник побелел, не надо медиков, я сам доктор.

– Да как скажешь, только можно побыстрей, – выкрикнул кто-то из толпы.

– Сорок минут ждем, имейте совесть, – прилетело вдогонку.

Обычно регистрация на шаттл быстрая, для путешествия на Луну не требовалось визы или разрешения, только отсутствие судимости, непогашенных долгов и возрастные ограничения – старикам и детям прилет запрещен. А так абсолютно любой гражданин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет имел полное право купить билет на шаттл и за каких-то восемнадцать часов полета познать все радости туристической жизни на спутнике. Само путешествие – это исключительно вопрос денег. В случае с Цапом робот видел, что случай особый: есть разрешение на полет, одобренное главой лунной колонии, но умный алгоритм не пропускал человека из-за рисков в плане здоровья. Аркадию Борисовичу было семьдесят два года, вот робот и забуксовал.

– К сожалению, Аркадий Борисович, робот не может зарегистрировать ваш билет, – с улыбкой сказала сотрудница таможенной службы. – У вас ограничение по возрасту, искусственный интеллект машины не может подобрать алгоритм действия.

– Бред какой-то, – возмутился Цап. – Сын отправил вам документы, подтверждающие, что я участник эксперимента. – пассажир указал на маску. – Это специальное устройство позволяет безопасно путешествовать за пределы планеты.

– Верю, – доброжелательно ответила девушка.

– И билеты куплены не у вас, а на Луне, – Цап показал электронную бумагу. – Устроили балаган вместо простой формальности! На время эксперимента я подданный Луны! – он перешел на крик. – Вы не можете запретить мне лететь!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – нажав на кнопку вызова старшего сотрудника, ответила девушка. – Проблема в том, что система не разрешит взлет, пока не получит логичного обоснования полета.

– Ну так объясните ей, что это особенный случай!

– Мы работаем над этим, – заверила девушка. – Уважаемые граждане, пожалуйста, потерпите, у нас неординарный случай. Рейс задержан, но не волнуйтесь, все успеют пройти регистрацию.

Толпа загудела, впрочем, сотрудники таможни не особо торопились. Минут десять они что-то искали в программном обеспечении робота, потом связались с начальством, внесли какие-то изменения в базу данных, и когда наконец робот-регистратор снова издал звук и красный цвет его механических глаз сменился на синий, стоявшая за спиной Цапа толпа туристов заплодировала.

– Один нюанс, вам надо будет подписать документ о том, что вы берете на себя ответственность за сохранность своей жизни, – протягивая электронную бумагу, сказала девушка-регистратор.

– Где расписаться?

– Вот здесь и здесь, – ответила она, и как только подпись была сличена с оригиналом, билет активировался. – Поздравляю, Аркадий Борисович, ваш сонный модуль номер шесть, приятного путешествия!

– Ну наконец-то, – выкрикнул кто-то из толпы, а Аркадий Борисович, извиняясь за задержку, поспешил к шаттлу.

Взлет производился в вертикальном положении, так что пришлось карабкаться из нижнего отсека к шестой сонной капсуле. Корабль хоть и старенький, на твердом топливе, с разгонным модулем, но надежный. Тридцать посадочных мест, багажный отсек на полторы тонны, предусмотрено два режима полета, с погружением в сон и без погружения. Все, кто летел впервые, выбирали второй способ, и как только шаттл ложился на заданный курс, отстегивали ремни безопасности и парили в невесомости. К сожалению, по медпоказаниям Аркадию Борисовичу запретили полет без погружения в сон, так что, оставив камеру включенной, он уснул сном младенца еще до старта.

Выйдя из атмосферы, корабль сбросил ускорители и взял курс на спутник. Никаких происшествий, полет прошел штатно, а через восемнадцать часов полета в сонных модулях включился режим пробуждения.

– Божественный сон, – протирая глаза, сказал в камеру Цап. – Первое ощущение – в теле пропало чувство тяжести. Словно находишься в воде, только без сопротивления жидкости. Кажется, если резко встать, можно оторваться и врезаться в потолок шаттла. Но прикольно, мне нравится, – он зацепил камеру карабином. – По совету бывалых путешественников камеру надо закрепить жесткой сцепкой. Ее движки при низкой гравитации будут разгонять аппаратуру сильнее, магнитная сцепка может не выдержать.

Разгладив одежду, Аркадий Борисович выбрался из модуля. Размял спину и ноги, потряс руками и похрустел шеей.

– Ощущения потрясающие, словно и не было долгого сна. Никаких перегрузок организма, напротив заряд бодрости, и голова ясная как никогда. Так летать – одно удовольствие.

– Ну что, идем на выход? – прижав плотнее ингалятор, спросил он на камеру. – А то отправят назад на планету, выпускать-то не хотели. Интересно, а что если сонный модуль сломается, и ты проспишь посадку, что тогда? – рассуждал Цап. – Улетишь обратно, или пилоты тебя разбудят? – Аккуратно ступая по салону шаттла, он воодушевленно продолжал болтать. –

Забавные ощущения, словно идешь по тонкому льду, сил в избытке, а притяжение отсутствует, кажется, один неловкий шаг, и набьешь шишку на лбу об потолок корабля. Да уж, адаптироваться к таким условиям в семьдесят два года – еще то развлечение, начинаешь понимать, почему запрещают полеты старикам.

Впрочем, умная одежда на ходу меняла настройки, адаптируясь к низкой гравитации, да и ингалятор работал безупречно, сглаживая сбой в организме. В тандеме эти гаджеты делали невозможное, и Цап это чувствовал – никаких нареканий к здоровью: голова была ясной, настроение отличным, и более того, ощущался прилив сил. В это трудно поверить, но Цап выглядел в разы лучше более молодых путешественников.

– Отец! – радостно закричал высокий юноша. – Круто выглядишь, дай я тебя обниму!

– Аккуратнее, а то улечу, – отреагировал Цап. – Ну, хватит, Артём, поставь меня на место.

И так не чувствую своего веса. Как вы тут ходите?

– Сейчас, погоди, – он положил на металлическую платформу две тонкие стельки.

– Что это?

– Ставь на них ноги.

– Ого, это что, присоски?

– Нет, лучше, – улыбнулся Артём. – Электромагнитные стельки.

И действительно, в них было лучше, ноги словно прилипли к полу, но не намертво, небольшое усилие – и оторвал ботинок. Стельки создавали сцепление с металлическими элементами на поверхности города, возвращая привычное для землян чувство гравитации. Очень удобный гаджет для тех, кто впервые прилетел на спутник и боится ходить в полную силу.

– Друзья, познакомьтесь, это мой сын, – направив камеру на Артёма, заявил Цап. – Ему сейчас сорок три, и он, как вы знаете, тоже врач.

– Зачем ты снимаешь? – коротко стриженный брюнет с прямоугольным лицом и рыжей бородкой мгновенно покраснел от смущения. Конечно, он знал про увлечения отца, но, будучи застенчивым человеком, всегда робел в такие моменты. Сам же кареглазый улыбчивый мужчина так сильно походил на отца, что, когда камера взяла их лица в один кадр, показалось, это фотоколлаж одного человека с разницей в несколько десятилетий, если, конечно, сын сбреет бороду.

– Па, ну хватит снимать, – попросил Артём. – Идем лучше покажу мой модуль.

– Хорошо, только завершу стрим, – взяв в руки камеру, ответил отец.

– Ты что, онлайн?

– Нет, в записи, вечером скину на «Волдспик», – архивируя все данные, ответил Цап-старший. – Минутку, не шуми, запишу концовку и пойдем, – попросил он, затем снял ингалятор для эффектного кадра и уверенно продолжил: – Итак, друзья, я это сделал! Воздух здесь сырой и спертый, света мало, постоянно что-то жужжит и пищит, такое себе путешествие, скажу откровенно, но тем не менее я счастлив, что прилетел на Луну.

– Спутник, – поправил его сын.

– Что, прости?

– Па, заканчивай, идем в модуль, тут радиация высокая.

– Вот как-то так, друзья, нам пора идти, – улыбнулся Цап-старший. – Ждите новых эфиров, с вами говорил по душам ваш пожилой ведущий А.Б. Цап. И чтоб не скучали, предлагаю пересмотреть мой первый эфир. Ссылку прикрепил, – Аркадий добавил рекомендации помощнику. – Кто бы сказал мне полгода назад, что я буду стоять на площади Независимости рядом с сыном, не поверил бы. Мечтайте, друзья, и тогда ваши мечты непременно сбудутся.

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб.

Рекомендовано посмотреть архивные материалы «Разговора по душам» от 5 и 6 апреля 2089 года.

Спасибо за просмотр, человек!

Эфир от 5 апреля 2089 года

– Здравствуйте, – пожилой мужчина недоверчиво глянул на счетчик подписчиков. – Не стану лукавить, рассчитывал на большее, – он почесал в затылке. – Опа! Минус два пользователя, итого осталось десять, походу, боты искусственного интеллекта. Не в обиду, но писать полностью фамилию, имя, отчество под аватаркой люди не будут.

...из чата вышли три участника стрима.

– Походу, обиделись, – старик внимательно посмотрел на список. – А забавный выпуск получается, общение с нейросеткой, – блогер рассмеялся. – И не придерешься к рекламщикам, прямой эфир висит в топе поисковика, просмотры капают, но никто не задерживается больше пяти секунд даже в радиосегменте. Может, дело в приватности и надо разрешить анонимное присутствие, так хоть люди заходят, уже десять тысяч предварительных посещений страницы, а вот авторизированных кот наплакал, и те, походу, боты Алисы?

– Привет, Аркадий, чем могу быть полезной? – раздался знакомый женский голос из часов на руке.

– Где зрители, виртуальная ты моя? – раздраженно буркнул Аркадий Борисович, а помощница, как обычно, принялась уточнять детали вопроса. Эта наивность искусственного интеллекта, как масло в огне, только разжигало гнев. Блогер резко снял часы, но, покосившись на камеру, осекся. Не такую передачу он планировал провести. Рейтинг, конечно, подскочил в ожидании разборки старика с нейросетью. Еще бы, пунцовый от гнева пенсионер, одетый, как тинэйджер, не пожалел бы крепкого словца. Впрочем, здравый смысл победил, и умный гаджет отправился в ящик, а новоиспеченный стример с улыбкой посмотрел в объектив камеры и продолжил общение с миром.

– Не понимаю, почему нет интереса к бесплатному стриму, все ж как по учебнику: востребованная площадка, качественная картинка, живой звук и даже реклама. – Аркадий Борисович печально выдохнул. – Причем без доната, бесплатный эфир, – он еще раз посмотрел статистику и, недовольный, прошептал: – Ладно, будет уроком, пора заканчивать этот цирк.

Наклонившись к столу, блогер собрался было выключить камеру, но почему-то взял кружку с надписью «Лучшему ведущему» и ладно бы стал пить, так нет, просто держал на уровне рта горячий чай, размышляя над случившимся. Пар неспешными тонкими струйками поднимался вверх, а пожилой стример тем временем печально смотрел на счетчик подписчиков. Никаких изменений, все те же крохи внимания и та же тишина в чате, а в голове жужжалой противоречивых мыслей. Еще бы, профессиональная широкоугольная камера на роботизированной платформе, сверхчувствительные микрофоны, система интеллектуального монтажа, это не считая кожаного кресла и деревянного стола в стилистике ток-шоу двадцатых, шумопоглощающие экраны, сверхтонкий монитор с качеством картинки в 6К – студия обошлась пенсионеру в его годовой бюджет. И что на выходе? Действительно, не до позерства, и самое время уйти в тень. Впрочем, Аркадий Борисович стиснул зубы, хрустнул пальцами и решительно посмотрел в объектив.

– Не хотят онлайн, пусть смотрят в записи, – строго заявил он. – В моей стране не принято сдаваться, и как бы пафосно это ни звучало, русские не сдаются, а значит, эфиру быть. – Он поудобнее сел в кресле. – Здравствуйте еще раз, меня зовут Аркадий Борисович Цап, бывший врач-психиатр, сейчас уже пенсионер, почему-то решивший, что миру будет интересен цикл передач про мою жизнь. Но это детали. Итак, начнем. Рабочее название эфира: «Диалог с пенсионером», но, как показала практика, такое название не привлекло публику, поэтому рассмотрю любые варианты, присылайте их в чат. – Закинув ногу на ногу, он принялся рассуждать. – Хм, вот подумал, каким будет первый вопрос, и знаете, что пришло на ум? «Зачем я это затеял? Эту передачу? Прямой эфир». – Он улыбнулся. – Не гордый – отвечу. Цель любой

беседы – обмен опытом, разговаривая онлайн или, как говорили в начале века, по душам, люди обмениваются эмоциями.

Неожиданно старик замолчал, а после принялся набирать текст.

– Кстати, как вам название: «Разговор по душам»? Кто «за» – голосуйте, – система монтажа вывела на экраны зрителей бюллетень. – Счетчик будет активен до конца эфира. Так вот, возвращаясь к вопросу «зачем эти разговоры». Дабы получить ответ, необходимо перенестись в прошлое примерно на два года, когда правительство с почестями отправило меня на заслуженную пенсию по выслуге лет. Только не подумайте, что я намерен жаловаться на руководство, напротив, оптимизация медицины – правильное и, мало того, назревшее решение. Для справки – роботозамещение, или, по бюрократическому, оптимизация, началось в пятьдесят пятом году с наиболее изученных сфер медицины: офтальмология, кардиология, хирургия, гинекология и далее по списку. Последним оплотом человека, сферой, где роботы не могли в полной мере заменить людской разум, была психиатрия. Сразу поправлюсь, дабы роботофобы не цитировали меня, умные машины не стали врачами, они услужливые исполнители и хорошие диагносты исключительно на службе у человека. Умные помощники, на чьих железных плечах держится вся рутинная работа, именно они подняли медицину на абсолютно иной уровень качества. Спросите меня, что я думаю по этому поводу? Да, правильно сделали, количество врачебных ошибок за десятилетие уменьшилось до единичных случаев. Статистика восьмидесятых лучшая за столетие. При всем уважении к разуму человека скажу, что машины работают лучше нас, и это непреложная истина, в статистике не важны человеческая харизма и талант, машины в своем большинстве бесталанны, зато безропотно делают свою работу, стабильно и качественно, а это ключевая составляющая успеха. А всем роботофобам советую посмотреть на цифры, насколько выросли уровень, продолжительность и качество жизни, те наглядно демонстрируют прогресс. И не стоит переживать за врачей, теперь в этой профессии случайных людей нет, а те, кто остался, крепко держатся за должность. Другое дело – размер пенсий, но это отдельная тема для целого цикла передач.

На мгновение Цап снова осекся, о чем-то с улыбкой задумался.

– Пришла на ум мысль: представил, как кто-то после слов о пенсии спросил, зачем страдаю х... многоточие, как бы это помягче выразиться... Страдаю креативом, что ли? Выпиливая видосики для медийного пространства. Не гордый, отвечу. В мои годы, а мне на минутку на днях исполнится семьдесят два, полезна умственная нагрузка, это я вам как психиатр со стажем говорю, нужно стимулировать когнитивную сферу, а что может хорошо держать в тонусе? Правильно, ежедневная беседа с любимыми подписчиками. Ну что, ответил, зачем нужен мой блог? – подмигнув, Аркадий Борисович покосился на счетчик зрителей и, недовольный, продолжил: – Впрочем, судя по активности зрителей, меня не покидает мысль, что купить станцию нейросети было бы куда дешевле. Я прав, Алиса? – и тут же послышался знакомый голос из глубины стола.

– Не сегодня, виртуальная наша, шесть идентифицированных подписчиков онлайн, – почесал щетину Цап. – Может, раздеться или начать пить? Что там на первом месте в стримах за донат? Чем я хуже, начну творить всякую дичь, – в углу обратной связи неожиданно появился плюсик, намекая: мол, начинай подстраиваться под публику. – Ух ты! Вы реально думаете, что стрим – это только бездумное зрелище? – появился еще один плюсик. – Спешу разочаровать, донат мне не нужен. Так что будем разговаривать, эфир бесплатный, и, как некий бонус, врач со стажем готов проконсультировать онлайн, кстати, тоже бесплатно, – пользователь, что поставил плюсик, вышел из чата. – Я не шучу, присылайте темы для беседы, готов ответить на любые вопросы. Простой дружеский разговор по душам.

Чат молчал, хуже того, число зрителей уменьшилось, и осознание, что вот оно, фиаско, постучалось в дверь. Аркадий Борисович потянулся к пульту трансляции и выключил оборудование. Одетый в молодежную толстовку, напудренный, дабы морщины не так сильно отпу-

гивали зрителей, он скривил тонкие губы и наморщил лоб. Коренастый, невысокого роста старик с прямоугольной формой лица, с ямочкой на волевом подбородке, добрыми зеленого цвета глазами, грустно выдохнул. В голове, как в студии, стояла пугающая тишина. Ну, правда, в таком виде этот старик никак не ассоциировался с блогосферой, подобных персонажей можно встретить разве что на спортивной площадке, фуд-корте, где они общаются со сверстниками, мусоля темы про политику, и вспоминают, как хорошо жилось в начале века. А вот единая медийная зона «Волдспик», где в день бывает до одной десятой населения планеты, все-таки создана для молодых и дерзких. Конечно, бывает и возрастной контент, но за всем этим стоят профессиональные команды и годы кропотливого труда по созданию преданной аудитории, не все так просто в мире развлечений, и если кто думает, что можно на раз-два ворваться в топ лучших стримеров, пример Аркадия Борисовича весьма нагляден. Не всё решают деньги, нужно кое-что иное.

На висках появилась едва уловимая испарина, уголки рта опустились, взгляд стал грустным, бодрый стример буквально старел на глазах, превращаясь из некогда живчика, хотевшего поделиться позитивом с миром, в незаметного пенсионера, доживающего свой век.

– А что если выключить счетчик? – прошептал он и взял в руки пульт.

Как выяснилось, сам хостинг не позволял этого сделать, но ничто не мешало наклеить стикер туда, где грустно мерцали жестокие цифры рейтинга популярности. Оригинальный ход, теперь надо проверить, будет ли работать эта маленькая уловка.

«Завтра, всё завтра», – отменяя голосование по названию передачи, подумал Аркадий Борисович. Собственно, голосования и не было, за предложенный вариант «Разговор по душам» из всего скудного числа авторизованных зрителей никто не проголосовал. За все время эфира никакой обратной связи, кроме двух плюсиков, словно говорил с зеркалом, хотя количество просмотров говорило об обратном, по ту сторону экрана его смотрели и слушали многие, но почему не хотели общаться? Вот в чем вопрос. Играя желваками, Цап выключил технику и вышел из кабинета.

Рабочее название выпуска: «Минус два зрителя».

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб. Спасибо за просмотр, человек!

Эфир от 6 апреля 2089 года

– Здравствуй, мир! Уверен, меня видно и слышно во всех уголках планеты. Как вам мой лайфхак? – он навел камеру на стикер (смайлик в солнцезащитных очках). – Представляю вам средство по отключению анализатора обратной связи. Старая школа рулит, теперь могу не париться о количестве авторизированных зрителей! – Он отпустил камеру, и та взяла крупный план. – Итак, судя по чату, никто не предложил тему для беседы. Печально, но не смертельно. Поэтому на правах ведущего предлагаю поговорить о медицине, – он сделал глоток из кружки. – Представляю, как хейтеры начинают писать в комментариях: «Старик поливает грязью систему, потому что попал под реформу». «Что, выперли на пенсию?» Ничего подобного! Объективно я мог бы еще лет десять заниматься психиатрией, но реформа медицины – правильная штука, нужно давать дорогу молодым. Самое забавное, что когда еще выпускником академии я в курилке говорил коллегам, мол, роботы доберутся до психиатрии, мне не верили, с пафосом заявляя, что уж в этой области, где сам человек разобраться не может, машинам делать нечего. А я верил, и уже тогда было понятно, что это лишь вопрос времени и массива информации. Как в спорте, главное – объем статистических данных и правильный их анализ. Звучит непонятно, но это истина. Теперь немного науки, азов, так сказать. Для понимания, что такое патология, надо сначала определить, что есть норма. И если в физиологии, то есть в теле, все предельно понятно: глаз видит, значит, он здоров, глаз не видит – значит, он сломан, то в психике из-за интеграции ее в социальный, культурный и духовный слои жизни сказать четко, где норма, смогли только в шестьдесят третьем году. Конечно, не я это сделал, но мои споры с коллегами о том, что нужно психический процесс анализировать исключительно через призму биохимии тела, стали пророческими. Многие заслуженные профессора отрицали этот аргумент, мотивируя свою позицию тем, что все процессы протекают одинаково, а различие психики надо искать за пределами органики, в социуме. И такой подход удобен, если ты автор теории личности, основанной на синтезе всех предыдущих наблюдений, или, чего хуже, ты лоббируешь социальные стереотипы поведения, говоря простым языком – те самые гендерные загоны идентификации личности. Но я с ухмылкой спрашивал этих грамотеев: «Что вы хотите искать за пределами организма?» Ответа не было, только брань в мой адрес, и тут дело не во мне, а в том, что материальная часть всегда поддается изучению, а все остальное – лишь продукт жизнедеятельности, причем необъективный. Банальный пример: мужчина считает себя женщиной, или эльфом, а может, табуретом, не важно, все его хотелки не отменяют физиологию и принципов работы организма, характерных для мужчины. И если вы будете пытаться понять его внутренний мир через призму внешнего, то сломаете все имеющееся теории, а на самом деле вся мишура с внешним обликом слетает, как шелуха, если понимать, что у нормального мужика произошел дрейф личности в сторону патологии. Неделя терапии – и ваша эльфийка, считающая себя табуретом, станет прежним здоровым парнем, в редких случаях – три недели терапии, но вправление мозга неизбежно.

Ну так вот, вернемся к главному. Шли годы, копился массив данных, потому что искусственный интеллект проникал во все сферы нашей жизни, и никто не запрещал нейросети анализировать и сопоставлять социальное с нейрохимическими процессами в голове. Понимаете, куда я клоню? Да, именно умные машины на очередном витке анализа медицинских данных нашли общие закономерности между поведением и физиологией. Только вдумайтесь, в эксперименте участвовали две трети населения планеты Земля, вот что значит валидное исследование! Так вот, умные машины выделили границы нормального реагирования мозга на все высшие психические функции с учетом большинства аспектов жизни. Кто забыл, напомним: социального, культурного, духовного и религиозного. И вот так семнадцатого августа две тысячи шестьдесят третьего года человечество поставило точку в изучение самих себя. Дальше

нам оставалось лишь прогнозировать новые патологии, искать лечение и работать над увеличением продолжительности жизни, с чем по сей день успешно справляются машины.

Роботофобы, выдохните, без нас никак, машины нас не поработят. Апокалипсиса не будет! Самое худшее, что может произойти – инженеры изобретут крохотные устройства, которые будут работать в наших телах над продолжительностью жизни, и мы станем частью системы уже не искусственного интеллекта, а разума, кстати, нечто подобное тестируют на Луне, у них все умные машины собраны в единый разум. К сожалению, а может, к счастью, это путь к бессмертию, где в конечном итоге мы сами станем живыми машинами. – Улыбаясь, Цап отпил чая и, не выходя из образа, на полном серьезе продолжил: – Как вам новая фобия – стать машинами? Механолюди! Не благодарите, пользуйтесь! – он рассмеялся. – А если серьезно, далеко не факт, что такое произойдет. Уверен, за механической улыбкой и понимающим взглядом робота всегда будет стоять человек, хорошо это или плохо, время покажет, но что однозначно у нас есть, так это услужливые помощники, и без них уже никуда. Я прав, нейросеть?!

– Аркадий, вы что-то желаете? – ответил знакомый женский голос на умных часах.

– Подслушиваешь? – буркнул он. – Найди мне подписчиков, – спонтанно добавил блогер и оторвал стикер.

Цифра на экране монитора отрезвляла, как ледяной душ в жаркий летний день. Аркадий Борисович был уверен – обаяние сработает, и народ начнет слушать его блог. И он готовился к эфиру: толстовка с лейблом лунной колонии (самая популярная тема у молодежи), линзы вместо очков, макияж дабы скрыть морщины, и молодежный сленг. Господин Цап цеплялся за каждый атрибут популярности у зрителей, ожидая успеха.

– Тридцать авторизированных пользователей, – прошептал пенсионер. – Люди, напишите, что не так? – Он тяжело вздохнул. – Хоть плюстик поставьте, если вы тут.

Всматриваясь в низ экрана, он держал паузу. Неожиданно появилась надпись «пользователь печатает», и радостный Аркадий Борисович пододвинулся ближе к монитору, чтобы разглядеть текст.

Пользователь Грег Ту: «Удали канал, динозавр!»

Не решившись озвучить написанное, господин Цап дрожащей рукой добавил автора письма в черный список, а сразу следом наклеил стикер обратно на экран.

– Вспомнил один забавный момент из детства, – дрожащей рукой Аркадий Борисович взял кружку и сделал пару глотков. – Всегда тяготел к коллекционированию. Сейчас собираю необычные книги, при случае расскажу о своей коллекции, но первым увлечением были пуговицы, вся семья страдала. Порой, одевая парадную рубашку, кто-то из родных замечал, что не хватает одной из пуговиц на самом видном месте. Да, ругали, но не били. Был даже серьезный разговор с отцом с глазу на глаз, но, когда отец увидел коллекцию пуговиц с четким описанием истории создания, аккуратно разложенных по цвету и форме, все порицания схлынули, как пена. А дальше каждая новая вещь в доме, прежде чем стать личной, лишалась одной пуговицы – для коллекции. Бабушки, дедушки, дяди, тети и прочие родственники и знакомые пополняли собрание, вот так набралось пять альбомов, и они – моя гордость. Став постарше, я увлекся монетами, но одно дело собирать монеты, которые дают на сдачу в разных уголках земного шара, и совсем другое – покупать их на нумизматических рынках. Нумизматика – дорогое удовольствие, но азартное. Сначала ты собираешь все, что попадает тебе в руки, выискивая редкие экземпляры, и многим везет, потом, когда начинаются повторы, ты пытаешься продавать часть монет или обменивать, в этой стадии приходит понимание, что именно хочешь коллекционировать, выстраиваешь приоритеты: собирать только корабли, или пчел на аверсе, или портреты исторических личностей. Кстати, о личностях. Отец рассказал один забавный случай: его хороший друг, солидный коллекционер с известной в узких кругах фамилией Ромов, на заре создания евро, была такая денежная единица в начале века, раздумывал: купить ли монету в два евро княжества Монако, выпущенную к годовщине смерти принцессы Грейс Келли. Не

буду объяснять, кто это, сделайте запрос в поисковике. Так вот, по факту обычная «ходячка», даже не proof-качества, то есть можно получить на сдачу.

И вот Ромов, будучи начинающим коллекционером, случайно нашел эту монету буквально из-под станка, на следующий год после чеканки. Надежная торговая площадка, проверенный продавец. Ромов списался с ним и предложил свою цену. Владелец отказался, мотивируя тем, что продает «за что купил». Коллекционер опешил и, не поверив, что два евро могут стоить в сто раз дороже номинала, разумеется, отказался от сделки, назвав цену абсурдной, а продавцу заявил, что обязательно найдет «ходячку» по более приемлемой цене или вообще получит на сдачу, – развел руками Аркадий Борисович. – К чему я рассказал эту историю? Не поверите, но месяц назад на открытом аукционе внук того самого Ромова купил два евро Грейс Келли. Его дед так и не смог найти монету по нужной ему цене, и внук купил ее за миллион международных денежных единиц! А комментарий к покупке тронул меня до слез: «Дедушку считали старомодным динозавром в мире нумизматики, он никогда не гнался за монетами из прошлого, а покупал только то, что вышло в его время. Два евро Грейс Келли были его камертоном, напоминанием, что жизнь всегда дает шанс на успех, главное, его разглядеть».

Неожиданно Аркадий Борисович замолчал, уставившись в кружку. Уголки рта опустились, на глазах застыли слезы, и прежний живчик постарел буквально на глазах. Было ощущение присутствия чего-то личного в рассказанной истории, а когда Аркадий Борисович сначала вытащил из черного списка пользователя, а затем восстановил его хамское сообщение «Удали канал, динозавр!», многие по ту сторону экрана заулыбались, догадываясь, в чем причина грусти блогера.

– Когда я рассказывал любимой о студии для эфиров на «Волдспик», она называла меня динозавриком, – разрушив молчание, заговорил Цап. – За месяц до гибели любимая подарила мне эту кружку со словами: «Если начал, то делай это от всего сердца», – он направил камеру на кружку. – Здесь написано: «Лучшему ведущему», а внизу мелким шрифтом: «Моему динозаврику от любимой мышки». И пусть в чем-то я и динозавр, вымирающий вид, но, пока я жив, я продолжу искать никому не нужные книги, редкие пуговицы, проверять монеты, что дают на сдачу, и разговаривать по душам с вами. Потому что бросить всю эту затею сродни той глупости, что совершил Ромов в юности. Второго шанса не будет. Эта студия – мои два евро, моя Грейс Келли, и плевать, если для кого-то я динозавр, – его голос дрогнул на последнем слове. Он, сглотнул ком и вытер выступившие слезы. – В общем, так, ребята, обещаю больше не отклеивать эту штуку, как бы мне этого ни хотелось, – он наклеил стикер обратно. – Все, кто не был на эфире, смотрите его в записи, и до новых волнующих встреч, это был ваш пожилой ведущий А.Б. Цап.

Рука потянулась к пульту, и задумчивый старик прервал эфир.

Рабочее название выпуска: «Динозавр».

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб. Спасибо за просмотр, человек!

Жидкий корм

В седьмом часу сработал таймер на пробуждение, и легкая вибрация прокатилась волной по сонному модулю. Система видеофиксации работала по принципу фиксировать каждое изменение общего плана с блогером, конечно же, не все попадало в эфир, почти семьдесят процентов материала удалялось на этапе монтажа, но какие-то эпизоды умная система Боб оставляла как есть. Едва уловимая вибрация сонного модуля на фоне звенящей тишины, идеальные условия для начала эфира.

Цап открыл глаза, и механическое око, скрипя шторками объектива, подобрало нужный ракурс.

– Доброе утро, – протирая глаза, поздоровался с подписчиками ведущий. – Хотя понятие «утро» здесь относительное, – Цап посмотрел на часы. – В Москве сейчас три часа ночи, а здесь седьмой час суток, но если честно, вы не найдете разницы между ранним утром и глубокой ночью. – Аркадий Борисович выбрался из сонного модуля. – Как я себя чувствую? Отлично! Когда вернусь домой, куплю себе такую штуку. – Он похлопал по аппарату для сна ладонью. – Я про модуль, без него на Луне можно чокнуться, что день, что ночь – все одинаково, а эта штука за минуты укладывает в мир Морфея и так же ласково пробуждает через семь-восемь часов. Очень полезная машина, но главное – я полон сил и желаний исследовать Луну.

– Спутник, – поправил его сын, поставив поднос с завтраком на стол. – Правильнее говорить «спутник», луна – это когда на земле смотришь в небо, а тут мы наш дом называем богатым недрами спутник.

– Не знал, – сев за стол, ответил Цап-старший. – А в официальных документах как называют Луну, прости, спутник?

– Так и называют: Первый спутник, – распечатывая пакет с сублимированной едой, ответил Артём.

– А тогда город как называется? Город на спутнике?!

– Да, – утвердительно ответил сын. – Мы живем в первом городе земной колонии на спутнике, в тринадцати километрах южнее полюса.

– А как же официальные документы? Не припомню, чтобы на Земле употребляли слово «спутник».

– Да, в земных документах игнорируют слово «спутник», используя «лунная колония», но это на планете, а тут народ не хочет быть лунатиками.

– Погоди, – улыбнулся Аркадий Борисович. – А как тогда их называть? Спутничане?

– Нет, просто колонисты.

– А, вот оно как, – Аркадий Борисович открыл свой пакет с едой. – Хм, чудно, но «колонисты» звучит солиднее.

– Еще используют названия: «астронавты», «старатели», «бурильщики»... На самом деле названий много, каждый во что горазд, – пояснял сын. – Что застыл, ешь!

– Что это? – разглядывая гранулы коричневого цвета, спросил Аркадий Борисович.

– Пищевой концентрат, – пережевывая сухую массу, ответил сын. – Просто ешь, штука вкусная и полезная.

– На пакете написано «красная рыба с брусничным соусом».

– Всё правильно, четвертый день недели рыбный, белок плюс жиры, – запивая водой сухой паек, пробубнил Артём. – Жуи, привыкнешь!

– Не уверен, что привыкну, – наморщил лоб Цап-старший.

На спутнике с этой фразы начинается почти каждый ответ на недовольство, и одно дело, когда ты молод и готов меняться в угоду обстоятельств, и совсем другое, когда ты одной ногой на пути к Богу. Понятное дело, что в условиях космоса готовить пищу расточительно и даже

опасно. Так что вариантов два: либо заветная фраза всех колонистов «не паникуй, привыкнешь», либо закрыть глаза и включить воображение. Где в турке свежесмолотый кофе, родниковая вода, и все это томится на медленном огне до кремовой пенки. А после за стол, любуешься рыбным филе на белоснежной тарелке с небрежными мазками брусничного соуса. Да уж, не повезет людям с плохим воображением на спутнике, с едой тут свои особенности.

Как и со всем другим, здесь такие привычные вещи, как воздух, вода и дешевая пища приобретают иную ценность, тут не откроешь форточку, когда у тебя на плите пригорела глазунья, не примешь горячую ванну после тяжелого дня, не выкинешь слегка завядший салат, и прочие привычные мелочи земной жизни тут не осуществимы. Единственное, чего на спутнике в избытке – электричество, дешевая атомная энергия, как железный колосс, держит на себе всё. Может быть, со временем и придет комфорт, ну а пока, как сказал Цап-младший, жуй, привыкнешь.

– Каков план действий на сегодня? – запив завтрак, спросил отец у сына.

– Я до восемнадцатого часа работаю, а потом можем прогуляться по городу, главное – заряди биофоны, такси дорогое.

– Сделаю, – допивая кофе, пообещал Аркадий Борисович. – Так я правильно понял, у меня есть восемь часов на изучение комнаты, а потом турне по городу?

– Как-то так, – улыбнулся сын, надевая защитный комбинезон. – Еда в шкафу, робот-помощник включен, доступ к медийным каналам открыт. Развлекайся.

– Принял, – улыбнулся старик.

– И, па, надень ингалятор, мне так спокойнее будет.

– Кстати, ингалятор, – активировав прибор, сказал Цап-старший. – Он, как батарейка, дает силы.

– И не только силы. Пожалуйста, не снимай.

– Обещаю, – ответил отец, а сын открыл входную дверь и ушел на работу.

Комната, в которой они жили, была одноместной, на спутнике каждый квадратный метр поверхности был на вес золота. Проблема свободного пространства на Луне – самая актуальная, на формирование микроклимата, пригодного для жизни человека, уходит до половины вырабатываемой энергии. Отсюда и минимализм, главный критерий убранства жилого модуля каждого колониста, исключительно полезные приборы и устройства, никаких излишеств.

– Итак, чем богат обычный колонист на спутнике? – держа камеру, начал обзор Цап-старший. – Первая и необходимая вещь – робот-помощник, он же коммуникатор Стив.

– Сэр, чего изволите? – металлическим голосом спросила машина, и ее синего цвета глаза стали ярче.

– Без телесной оболочки машина выглядит жутко, – пытаюсь не провоцировать робота, прошептал Цап. – Винтажный дизайн. Помните, раньше были в поликлиниках роботы-регистраторы? Вот этот Стив мне напоминает такого, только голова без силиконовой оболочки – обычный железный череп.

– Вы что-то хотите, сэр? – настороженно переспросила машина.

– Нет, Стив, просто обзор для зрителей моего блога.

– Дневной свет включен, думаю, так будет лучше.

– Кстати, спасибо, – улыбнулся Цап. – Как сказал сын, свет витаминизированный. Ну, на самом деле обычный, просто убрали негативный спектр, провоцирующий онкологию, на спутнике все направлено на сохранение жизни, – Аркадий Борисович подошел к шкафу с едой. – Идем дальше, это столовая, – он открыл шкаф. – Два отсека для подачи еды, сухой и жидкой, сухие гранулы по типу корма для кошек мы уже ели с утра, теперь надо попробовать жидкую форму, – изучая панель управления, почесал в затылке старик. – Стив, а как получить еду?

– Бесплатная порция использована, для получения платной приложите ладонь к модулю оплаты, – ответил робот.

– Ну и ладно, купим одну порцию, мы не бедные, – положив руку на сканер, ответил Цап.

И тут же на электронной панели появились сотни различных блюд с подробным перечнем ингредиентов. Листая все это разнообразие, Аркадий Борисович поймал себя на мысли, что у него потекли слюнки. Качественная картинка позволяла разглядеть еду с любого ракурса. Поджаристая корочка, сочная мякоть стейка, не хватало разве что запаха, но казалось, протяни руку – и любимое блюдо окажется на тарелке.

– Берем медиум рэд, мраморная телятина с соусом из мяты и томатов, – прочитал название блюда Цап-старший и, не раздумывая, заказал порцию. – Ого, вот это стоимость! – почесал он в затылке после того, как с него списали кругленькую сумму. – Стив, а как получить заказ?

– Уберите руку с терминала оплаты.

Шкаф зажужжал, внутри заскрипели какие-то шестеренки, и в полости, где было написано «жидкая еда», сначала опустилась плоская тарелка, а затем тоненькой струйкой потекла кашеобразная масса коричневого цвета, аккурат по центру посуды. На вид коричневое пюре без запаха, нет и доли сходства со стейком. Цап показал тарелку роботу, но Стив подтвердил, что всё в порядке, вес и текстура соответствуют нормативам.

– Приятного аппетита, сэр, – невозмутимо выдал робот и перешел в спящий режим.

– Хорошо, пробуем, – Аркадий Борисович осторожно лизнул кашеобразную массу. – По вкусу стейк! – глотая жижу, пробубнил он. – Реально стейк с томатным соусом и нотками мяты. В общем, так, друзья, ловите лайфхак «Как питаться на спутнике». Закрываете глаза, берете в рот эту жижу и включаете воображение. Тем, у кого нет воображения, сочувствую – на Луне, ой, простите, спутнике, вам делать нечего.

Съев порцию, Аркадий Борисович запил жидкий корм водой. Занятная штука этот шкаф с едой, как оказалось, такие устройства существовали в каждом жилом помещении, дабы колонист мог в любое время восполнить энергию и укрепить здоровье. Дневная норма подавалась бесплатно, а вот сверх нормы любой гражданин мог купить неограниченное количество еды и воды, но уже за хорошие деньги. Еще одним умным приспособлением был сонный модуль, Аркадий Борисович уже знакомил подписчиков с ним, но, в отличие от земных аналогов, все модули оснащались бронированным корпусом во избежание гибели колониста. Частые землетрясения и падения метеоритов регулярно приводили к разгерметизации подземных городов. Маленькая трещина в герметичной обшивке могла унести жизни целого квартала, поэтому такие капсулы были еще и спасательными.

– Модуль для сна вы уже видели, – продолжил Цап-старший. – Идем дальше, сейчас я вам покажу, как колонисты принимают душ.

Открыв одноместную кабинку, он активировал режим быстрой очистки тела.

– Видите тоненькие струйки? – Цап навел камеру. – Думаете это вода? Нет, в условиях мертвого космоса пользоваться водой для очистки тела непозволительная роскошь, это мелкодисперсные кристаллы кварца, – он подставил ладонь под струю. – Согласен, к такой гадости надо привыкнуть. Умываться песком и не набрать его в рот – тот еще квест. Но эффект потрясающий, частички сконструированы таким образом, что, соприкасаясь с кожей, цепляют мельчайшие чешуйки и осыпаются на поддон. Как наждачная бумага снимает зазубрины, так и этот песок убирает грязь. «А как же гравитация? – спросите вы, – собирай потом песок по дому!» Без паники, аппарат создает магнитное поле, притягивая каждую крупинку сухой очистительной смеси. Вот такой душ у колонистов, – развел руками Цап. – Разумеется, не получится горланить песни во время купания, но может, оно и к лучшему.

Сев на пол, Аркадий Борисович взял в руки камеру и прикинул, сколько минут эфирного времени ушло на обзор комнаты. В принципе, получался полноценный выпуск, оставалось записать концовку и загрузить материал в монтажную программу. Идея показать местные новости пришла спонтанно, но она была правильной. Включив первый попавшийся новостной канал, Цап решил познакомить подписчиков с медийным пространством спутника – всегда же

интересно, что показывают по телику где-то далеко от дома. Приятной внешности дикторша довольно-таки профессионально вела эфир, рассказывая о достижениях ученых колонии. И если не знать, что за стеной безжизненный грунт, минус сто пятьдесят три градуса по Цельсию и открытый космос, то можно почувствовать близость к дому – новости тут ничем не отличались от земных.

– Я правильно поняла, что ученым удалось сохранить сознание человека? – спросила ведущая у темнокожей журналистки.

– Не совсем так, Эрика, – ответила та, показывая рукой на изображение головы какого-то бедолаги, утыканную проводками. – Ученым удалось отцифровать мозг, загрузив его как отдельную личность в нейросеть, а голову они сохранили, для воссоздания тела в будущем.

– Так он мертв или жив? – с иронией спросила ведущая.

– Его тело заморожено, а сознание сохранно, мы вполне приятно пообщались с господином Фросуто, и знаете, это было удивительно. Ощущение, что ты говоришь с живым человеком, – ответила журналистка. – Да, через монитор и речевой аппарат, но он вел себя как живой. Уникальная технология, гордость колонистов.

– Чего только не придумают у нас на спутнике! – улыбнулась ведущая.

– Потому что мы лучшие, Эрика, – ответила журналистка.

– И не поспоришь, Апрель, – закончив репортаж, ведущая посмотрела на телесуфлер. – А теперь к срочным новостям: с площади Независимости, – сказала она, и в углу экрана появилась картинка с поверхности спутника. – Сегодня прошли первые двадцать четыре часа с начала бессрочной акции студентов возле памятника первым колонистам. Напомню, они требуют смягчения критерия для получения статуса колониста и снижения рабочей нормы. У нас на связи Том Ворд с прямым включением. Том, приветствую. Что у вас происходит?

Толпы людей куда-то спешили, неоновые вывески зазывали туристов, и только роботы неспешно озирались по сторонам в ожидании приказов от хозяев. Огромное крытое помещение у основания кратера внешне напоминало полукруг. Бетон, металл, прочные полимерные вставки, пропускающие солнечный свет, – все выглядело органично и сочеталось с серым пейзажем поверхности. В центре сооружения располагался памятник пяти первым колонистам, которые не пожелали возвращаться на Землю и стали строить первый город на спутнике. И там же, рядом с бронзовым памятником, загородив проход к терминалам оплаты и обменникам, стояла толпа студентов, неустанно скандирующих: «Свободу Луне! Не роботам, а мне и тебе!»

Спрятав лица от камер платками, особо шустрые забастовщики выдергивали из толпы вновь прилетевших мужчин и агитировали присоединиться к их движению. Картинка была пугающей, даже не верилось, что это происходит здесь и сейчас. Где-то в бедных кварталах планеты – всегда пожалуйста, но чтоб на спутнике, где штат полиции на восемьдесят процентов состоит из роботов, потому что низок процент преступности, с трудом верилось.

– Том, вы слышите нас? – спросила ведущая.

– Да, Эрика, – ответил журналист. – Студентов стало больше, и, что примечательно, теперь они ведут себя более агрессивно. Полицейским пришлось даже задержать особо настырных юношей, которые мешали туристам. Но их тут же отпускают. Чтобы зрители понимали, на территорию площади не распространяются законы спутника. Де-факто это нейтральная территория.

– Надо менять закон, – возмутилась ведущая.

– Совет госпожи Вонг уже начал процедуру корректировки закона, – ответил Том. – Но, сами понимаете, этот закон может стать их третьей неудачной инициативой. Никто не хочет становиться туристом.

– Да уж, ситуация, – наморщила лоб ведущая. – А как насчет требований? Чего хотят эти студенты?

– Сейчас камера найдет тот баннер, – журналист взял в руки пульт управления. – Вот один из примеров смекалки студентов: «Хватит впрок бурить руду, Вонг на Землю, а нам еду!» По закону за такое творчество положена депортация без права прилунения. Но, повторюсь, полиция бессильна, пока не будет пересмотрен территориальный статус площади Независимости. А вообще тема еды тут на каждом втором плакате, молодежь не понимает, почему надо есть сублиматы, когда стоимость доставки привычной пищи ниже стоимости вывозимых редкоземельных металлов.

– Ниже? – удивилась ведущая. – Вся колония будет работать на еду, это огромные деньги.

– Вот они и требуют, чтобы за ресурсы народ свободного спутника получал нормальную еду. Они хотят питаться в ресторанах, а не у шкафчиков с едой, как животные, хотят наслаждаться полноценной жизнью, жить здесь и сейчас, не думая о будущем. Им не нужно высокотехнологичное будущее, потому что время уходит, а жить хочется здесь и сейчас.

– Да уж, Том, вы нас пугаете такими новостями.

– Это не я, – оправдывался он. – Студенты всему виной, те по-своему чувствуют жизнь.

– Спасибо за репортаж, Том, – улыбнулась ведущая и продолжила изучение телесуфлера. – Теперь поговорим о новостях культуры. На спутник прилунился популярный у молодежи блогер Томи Стэрк, и наш корреспондент в данный момент пытается взять интервью у кумира молодежи.

– Господин Стэрк, понимаю, что вы спешите, но можно пару вопросов? – остановил знаменитого ведущего журналист.

– Мне некогда, – буркнул тот.

– Ваш блог очень популярен на спутнике, в чем причина успеха?

– Дайте дорогу, – отмахивался Стэрк.

– Тогда другой вопрос. Как вы относитесь к акции студентов? Она мешает всем? Вам мешает?

Неожиданно Стэрк остановился и посмотрел на назойливого журналиста, вопрос явно импонируя его убеждениям, более того, он даже снял защиту биофона и спокойным тоном ответил:

– Не вижу ничего плохого в том, что молодежь высказывает свое мнение, – начал Стэрк. – Возможно, не стоит мешать работе туристических структур, Луна все-таки место отдыха большинства землян, но право на личное мнение – это главный постулат демократии.

– Чем собираетесь заниматься в ближайшие семь дней? – перебил его журналист.

– Программа насыщенная, наша команда будет снимать новые репортажи о колонии, всё увидите в эфире моего блога, а сейчас извините, спешу, – прощаясь, ответил Стэрк.

– И последний вопрос господин Стэрк, – не отпускал звезду ведущий. – Вы по-прежнему хотите стать гражданином спутника?

– Стать гражданином Луны – моя давняя мечта, – с ехидной улыбкой ответил блогер. – А теперь прошу извинить меня, но я спешу.

– И нечего добавять, Эрика.

– При всем уважении к творчеству Томи Стэрка, – ответила ведущая, – мы не называем наш дом Луной.

– Эрика, каюсь, хотел поправить, – оправдывался журналист, – но не стал, он же звезда.

– А я бы поправила, – с азартом заявила ведущая. – Но идем дальше, Спасибо за включение, Джек, а нас ждут политические дебаты.

Смотреть их Цап-старший не стал. Почесав в затылке, он выключил телевизионную панель и нервно заходил по комнате, словно его осенила очередная творческая идея.

– Друзья, в одном из эфиров я обещал по-отцовски дать подзатыльник Стэрку, – он взял камеру. – Так вот, я сделаю это. – Камера взяла крупным планом взволнованное лицо Цапа,

и тот после небольшой паузы продолжил: – Все, кто не понял, о чем идет речь, пересмотрите старые записи. Будет интересно, обещаю. Эфир провел А.Б. Цап.

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб.

Рекомендовано посмотреть архивные материалы «Разговора по душам» от 9 и 12 апреля 2089 года.

Спасибо за просмотр, человек!

Эфир от 9 апреля 2089 года

– Доброе утро! Пару дней размышлял, почему нет обратной связи. И знаете, что пришло на ум? Вы же обо мне ничего не знаете, – блогер сел поудобнее. – Итак, моя фамилия Цап, из династии психиатров, самый известный ее представитель – мой прадед: несколько монографий, профессорская должность и влюбленность в науку – тот самый незамысловатый набор, который предопределяет профессию на много поколений вперед. И если его сын не особо любил психиатрию, а в начале века эта часть медицины была непролазными дебрями по сравнению с сегодняшним днем, то уже внук и правнук, то есть мой отец и я, души в ней не чаяли. Ваш покорный слуга отдал работе в Государственном психиатрическом центре сорок пять лет жизни. Грамоты, премии, есть даже медали за добросовестный труд, чего только не было. О медицине я могу говорить часами, но следующий пункт в нашем знакомстве – семейная жизнь: чуть меньше сорока лет я прожил в браке с потрясающей женщиной, которая родила мне сына. Наша совместная жизнь пролетела, как один день, мы даже не успели поссориться, так, чтоб с битой посудой и чемоданами у порога, и знаете, в чем беда счастливого брака? Да, беда именно в скоротечности, такой союз подобен спринтеру, жаждущему побить свой же рекорд. И как ни останавливай его, все тлен, он несется с бешеной скоростью к финишу победителем, и ты ничего не можешь изменить. Разве что в конце посмотришь на любимую счастливыми глазами, и не вспомнить хотя бы одного дня, когда жалел о своем выборе. – Аркадий Борисович сглотнул подкативший к горлу ком.

Зашуршав металлическими деталями, вариообъектив умной камеры настроил крупный план. Такие моменты человеческой жизни всегда выгоднее смотрятся в приближении, и умный робот не стеснялся пользоваться этим.

– Два года назад супруги не стало, – голос Аркадия Борисовича задрожал. – Никто не думал, что радиация и перегрузки окажут такое воздействие на организм. Хотя супруга была младше меня на двадцать лет, но какой бы продвинутой ни была современная медицина, за пределами привычной среды наши тела – хрустальные домики перед дождем из метеоров, – стример на мгновение замолчал. – Сын кремировал ее на Луне. Обещал похоронить при первой возможности. Все случилось внезапно – системный сбой организма, и она сгорела за месяц. Не могу себе простить, что не был рядом, но ни одна компания не хотела меня везти на спутник, боялись, что не перенесу перелет. – Он вытер подступившие слезы и строго посмотрел в камеру. – Но жизнь продолжается, следующий пункт биографии – сын Артём, он сейчас работает на Луне, ведущий специалист одного из медицинских модулей, они занимаются чем-то новым в науке, расширяют горизонты возможностей человечества, пытаются выживать в абсолютно непригодных условиях. Вот они – главные вехи моей жизни. Что еще рассказать? – Аркадий Борисович огляделся по сторонам. – Кстати, как вам мой новый имидж? Решил сегодня без грима. Подумаешь, морщины, седина на висках, залысины и чуток обвисший подбородок – законы мироздания никто не отменял, и как бы ни хотелось, но прошло время густой рыжей шевелюры, – Аркадий Борисович грустно покачал головой. – Простите, замечтался. Так вот, утром, перед эфиром, подумал, зачем вся эта молодежная мишура в угоду рейтингу? Поменял всё, даже одежду, ну не могу носить эти ваши толстовки, воздуха не хватает, грудь сдавливает, а этот капюшон сзади, который не натянешь на голову, только раздражает, вот скажите, зачем делать вещь ради вещи, не ради пользы, а ради новизны? Сделай глубже капюшон, и он сразу станет полезным, можно накрыть голову от ветра. Нет же, сделали коротким, потому что так модно. А карман на пузе, задумывались, для чего он нужен? Отзовитесь, кто пробовал положить в него вещь и пробежаться метров пять – вылетит на раз-два. Вопрос к изобретателям кармана, в чем его задача? Ответ «согреть руки в холодную погоду» не принимаю. Замерзли руки – надень перчатки. И то, что карман – элемент декора, тоже не принимаю. Если

так, зашейте его от соблазна просовывать руки. Хотите, угадаю правильный ответ: «Я художник, я так вижу!» Вот он, слоган всех бездарностей, и это бесит. Но самое трагичное в том, что случайный успех такого художника вдохновляет на свершения уже троих дилетантов, а те – девятерых, и так собирается целая армия деятелей оригинального контента. И знаете, где эта армия талантов обитает? На сервере «Волдспик». Не подумайте, что я недоволен площадкой, задумка дать возможность каждому жителю Земли говорить с миром – удачная, но вот исполнение хромает. Распаковка товаров, готовка еды, экстремальные путешествия, эройога и прочая залипательная ерунда, семьдесят процентов передач – ни о чем. – Аркадий Борисович сделал глоток чаю. – И ведь никто не понимает, что они – копия копии. Не верите – посмотрите процент оригинальности контента, будете удивлены. Интернет еще в начале века все ваши оригинальные видосики обмусолил раз по пять. – Цап почесал подбородок. – Но подписчикам плевать. И пока такие залипалки продаются, молодежь будет выбирать толстовку вместо рубашки, а ведь и та, и та одежда предохраняющая тело от негативного влияния окружающей среды. И ВСЁ! Вот она, внутренняя суть, остальное – внешний флер. Та же формула и для стрима, главное, что ты хочешь сказать, а не то, как ты это говоришь. Но нет, мир, как тысячелетия тому назад, использует любую возможность, чтобы подчеркнуть социальное различие. И это – нефть для неумного тщеславия! Желание быть эксклюзивным порождает ненужные карманы на кофтах, короткие капюшоны, да все что угодно, лишь бы на тебя обратили внимание, а стоит убрать социальное превосходство, как одежда превращается в тряпку, которую либо удобно носить, либо нет. Всё в наших головах. И жаль, что мое мнение – лишь тонкий писк в какофонии голосов тех, кто на этом зарабатывает. Не согласны? Ловите, еще один пример новомодного изобретения – умная одежда. Загрузил текстуру ткани – и ты уже обладатель собственного стиля. Уловили, как создатели гаджета тонко воздействуют на тщеславие. Единственный плюс такого костюма – современные технологии. умная одежда всегда подскажет, что не так с телом в медицинском плане, для людей преклонных лет – очень полезная штука. – Аркадий Борисович пригубил чаю. – Но я динозавр, никаких выкрутасов в текстуре и цвете, старая добрая классика.

Цап встал, чтобы камера смогла запечатлеть его в полный рост. Темно-синие брюки, черные классические туфли, рубашка, подтяжки и обворожительная улыбка излучающего позитив старичка.

– Как вам моя рубашка? Простенькая хлопковая сорочка бежевого цвета с едва уловимой фиолетовой клеткой, в тон подтяжек для брюк. Нужно выглядеть нарядно – добавил галстук или бабочку, хочешь отдохнуть или поработать – закатил рукава. Умная одежда способна на такое? Боюсь, что нет. Но, что самое важное, в рубашке нет лишних деталей, разве что последняя пуговица, хотя и она, как запаска в машине, всегда поможет в экстренной ситуации. Если я не прав, возражайте! – Аркадий Борисович развел руками и посмотрел на чат.

К сожалению, публика молчала, хуже того, что-то подсказывало стримеру, что так будет и дальше. Уставившись в одну точку, Цап скривил губы и наморщил лоб. Усиленно о чем-то размышляя, он взял в руки тактильную клавиатуру и зашел на страницу блога. Пара ловких движений пальцами, и границы приватности были изменены, теперь общий чат стал анонимным.

– Всё! Друзья-подписчики, отныне полная анархия, чат анонимный, – подмигнув на камеру, сказал Аркадий Борисович, и собеседники не заставили себя ждать, начали строчить сообщения. Появившаяся надпись «анонимный пользователь печатает...» была как первые лучи солнца после темной ночи.

Аноним 1: Дед, иди играй с внуками, не засоряй эфир

– Надо было поспорить с вами, что первое сообщение будет негативным, – Цап отхлебнул чая и с грустью в глазах посмотрел на сообщение. – Нет у меня внуков! Только сын. Возможно, он думает о детях, но внуков пока нет.

Аноним 2: Подари мне студию и вали к сыну, и я стану вторым Томи Стэрком!

– А кто это? – почесав в затылке, спросил Цап. – И зачем быть вторым, тем более Стэрком, когда надо быть собой?

Аноним 3: Лови познавательный курс, дедуля, о том, кто такой Стэрк.

Открыв видеофайл, Цап сразу узнал выпендрожника Стэрка. Если честно, полпланеты видели его стримы: ничего оригинального. Как и вся молодежь, ругал правительство и призывал к отказу от глобализации. Но изюминкой видео была внушительное число авторизованных пользователей, цифры специально обвели кружком, намекая на тщетность потуг самого Аркадия Борисовича.

– Лететь на Луну, говорите, – Аркадий почесал в затылке. – Да с удовольствием, как только изобретут безопасный способ, я уже говорил, что в моем возрасте организм может не выдержать нагрузки. И кстати, вашему Стэрку есть что передать, хороший отцовский подзатыльник за то, что перевирает историю. Я вспомнил пару эфиров этого выскочки.

Аноним 2: Ёу, дед, зависть – это порок! Что тебе сделал Стэрк?

– Не дед, а Аркадий Борисович, – строго ответил блогер. – А зачем писать стримы, в которых искажаешь истину?

Аноним 4: Поясни, А.Б.

– А что тут пояснять? Послушайте его заявления про лунные сертификаты. Как удачно этот ведущий подводит нас к тому, что Америка по праву первопроходцев имеет все основания регулировать раздел недр спутника. В таком случае весь космос принадлежит русским, мы же туда первые полетели. И это только навскидку, этот блохер и похлеще чудил.

Аноним 2: Тебе до Стэрка, как до Марса на «Тесле» лететь. Правительство – зло! Лови вирус, старый!

На экране появилась синяя полоса, которая стала сбоить, раздваивая картинку трансляции. Робот-помощник порекомендовал остановить онлайн-стрим и запустить программу очистки, и через час, когда вирус был деактивирован, возобновлять трансляцию показалось неуместной затеей. И, дабы подготовиться к новой программе, Цап решил собрать информацию об этом популярном блогере – Томи Стэрке.

– Томи Стэрк, 28 лет, уроженец Салтона, штат Техас, – начала Алиса. – По профессии – историк-путешественник, ведет популярную передачу «Правда и только правда».

– Стой, – возмутился Цап. – Какой историк в таком возрасте? Найди данные аккредитации этого типа в мировом историко-географическом обществе. Историк он!

– Данных нет, – ответила нейросеть.

– Тогда кто назначил его ученым? Откуда информация?

– Всемирная база данных, – ответила Алиса. – Отправить жалобу на несоответствие данных?

– А толку, все равно не исправят, – усмехнулся Аркадий Борисович. – Ладно, давай ври дальше.

– Начало карьеры: 2084 год, фуд-блог о полезной и здоровой еде, в 2085-м участник телешоу «Расскажи о своей профессии», в 2086-м – серебряный призер конкурса «Ведущий года» за цикл стримов о путешествии по отдаленным уголкам Америки. С 2087-го при поддержке фонда «Земля – наш общий дом» выпустил первую передачу о путешествии на Луну. В настоящий момент входит в топ-100 популярнейших обозревателей программы колонизации Луны.

– Увеличь этого мажора!

Упитанный, русоволосый, миндалевидной формы лицо, большой нос, пухлые губы, взгляд с хитринкой, ничего особенного – типичный американец. Как ведущий неплох: красивый голос, поставленная убедительная речь, парень не промах, даже профессионал, в его эфирах отсутствуют ляпы, операторские нестыковки и прочие огрехи. В кадре ведет себя уверенно, не тушует, весьма органичен, вот публика и боготворит его, голосуя рублем.

– Ладно, стирай запрос, – махнул рукой Аркадий Борисович. – Этот парень слишком крут для меня, не стоит тратить время, – он попытался отклеить стикер на мониторе, но вовремя вспомнил про обещание. – Так, Алиса, разрешаю одергивать меня каждый раз, когда попытаюсь оторвать стикер.

– Команда принята.

– Ну, вот и хорошо, хоть для чего-то тыгодишься, – пошутил Аркадий Борисович и выключил оборудование, – И хватит на сегодня стримов, я проголодался. Разогрей ужин!

– Уже сделала, – ответила Алиса, а стример недоверчиво помотал головой.

Рабочее название выпуска: «Блохер».

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб. Спасибо за просмотр, человек!

Эфир от 12 апреля 2089 года

Включив трансляцию, Аркадий Борисович сразу обратил внимание на чат. Армия поклонников Стэрка разбирала по косточкам каждое сказанное им слово из прошлой программы, досталось всему, даже коллекционированию пуговиц. Мол, вранье все это, а старик просто пытается привлечь подписчиков, поливая грязью популярного ведущего. Надо признать, таких объемов внимания он не ожидал, тут только читать ругательства – на несколько часов, не говоря уже об ответах, так что, почесав в затылке, блогер слегка опешил.

– И что с этим делать? – сняв очки, прошептал Цап. – Еще сорок новых сообщений, вот, читаю вас и понимаю, пишете, как под копирку, защищая блохера. Кстати, о Луне. А вы знали, когда вас еще в планах не было, взрослые дяди и тети нарезали этот спутник на лакомые куски, как вишневый пирог. Сейчас, подождите, – он встал и вышел из студии.

Чат на мгновение замолчал, а когда Аркадий Борисович вернулся, поливание грязью продолжилось. Не обращая внимания на ругательства, он положил на стол, старый дневник и принялся перелистывать пожелтевшие страницы в поиске нужной.

– Нашел запись в дневнике дедушки о том дне, – посмотрев в камеру, Цап улыбнулся и продолжил: – Итак, цитирую: «Был апрель, пятое число, 2028 год. Профессор Игорь Викторович вчитывался в историю болезни пациента Иванова, то и дело приподнимал брови и поглаживал седую бородку. Добравшись до последнего листа, он неторопливо размешал сахар на дне кружки и, не вынимая ложку, в один глоток допил чай.

– Ну, и в чем, собственно, проблема?

– В диагнозе, – немного растерянно ответил я. То есть дедушка, Цап поднял глаза и посмотрел в камеру.

Ибо, если посчитать, консультация такого уровня специалиста обошлась психиатрической клинике в очень крупную сумму. Это хорошо, что совпало место и время проведения очередного форума Лиги по социальной психиатрии. Наш город принимал делегации со всей страны. Поэтому счет за гостиницу и питание не был включен в услуги по консультированию. Но и тем не менее услуги профессора с мировым именем обошлись для клиники в кругленькую сумму. И теперь, когда профессор сидит напротив, его прямой вопрос о проблеме диагноза – это как признание во врачебной некомпетентности всего личного состава клиники и меня в частности. Признаюсь честно, я даже растерялся.

– Ваш больной утверждает, что он тайный владелец половины Луны, – резюмировал профессор. – И доказательство его слов – в договорах на покупку лунных территорий. Однако бумаги скрывает, так как боится за свою жизнь.

– Да, всё так, – я попытался возразить и хоть как-то оправдать причину беспокойства профессора. – Самое удивительное, что патопсихологическое и нейрофизиологическое обследования не нашли и намека на шизофренический процесс.

– Атипичная форма, – с ухмылкой подметил Игорь Викторович.

– Мы тоже так думали, но, когда начали сопоставлять его рассказ с реальностью, пытаюсь найти огрехи в бреде, ничего не нашли. Вас не смущает этот факт?

– Вы серьезно? – расплылся в улыбке Игорь Викторович. – Полагаете, что он действительно владелец огромных территорий на Луне?

Я считал себя неплохим специалистом в области психиатрии. – Речь идет о моем дедушке. – И когда я начал объяснять, что в реальном мире правительства почти 80 процентов стран подписали так называемую «Лунную декларацию», по условиям которой каждой стране причитается доля площади, сопоставимая с реальным размером их стран. И это официально существующий документ, о котором многие не знают, при этом в маленьких странах земель-

ные купчие на сегодняшний день распроданы. Это означает, что в словах гражданина Иванова нет бреда. Теоретически он мог быть владельцем купчих.

– Вы в глаза видели эти документы? – первое, что спросил Игорь Викторович после моего объяснения.

– Нет.

– Ну, тогда о чем может быть речь? – стоял на своем профессор.

– Давайте я приглашу сюда пациента, и вы сами посмотрите, что именно заставляет меня сомневаться в шизофреническом процессе.

Гражданин Иванов, худой зеленоглазый мужчина с седыми висками и овальным лицом, одетый в больничную пижаму, медленно вошел в кабинет. Жилистые руки с грязью под ногтями, остроконечный нос, коричневые у основания зубы и короткие волосы – он не создавал впечатление богатого человека. А его уверенный трезвый взгляд заставлял усомниться и в наличии психической патологии.

Все, что происходило дальше, безумно походило на шпионскую игру. Скажу честно, гражданин Иванов настоял на том, чтобы я покинул кабинет, что я и сделал. Дальнейшая консультация Игоря Викторовича проходила по ту сторону двери без меня. Профессиональная этика не позволила мне подслушать их диалог. И, спустя 40 минут, из кабинета сначала вышел чем-то очень удивленный профессор, а потом и сам пациент. Профессор уговорил меня под его личную ответственность отпустить пациента домой, чтобы тот все-таки представил факты, касающиеся заявленного владения лунными территориями, и я согласился.

– Нам хватит пары часов, Артём Борисович, – уже перед выходом заметил Игорь Викторович.

– Вам дать зонтик? – спросил я, посмотрев в окно на улицу, где шел хороший ливень.

– Не стоит, мы на такси, – почему-то очень воодушевленно сказал Игорь Викторович. – Как только все прояснится, я сделаю запись в истории болезни и поставлю окончательный диагноз. Обязательно дождитесь нас.

– Вам дать санитар в сопровождение?

– А вот это хорошее предложение! – ответил Игорь Викторович и тут же добавил: – Закажите нам такси.

После звонка в таксопарк я попросил дежурную медсестру найти санитар покрепче и, когда они ушли, сварил кофе и добавил туда коньяка. Надо было осмыслить столь эмоциональное поведение профессора с мировым именем. Правду говорят, что самое трудное – ждать и догонять, мне казалось, прошла целая вечность. В тот вечер я ушел с работы на два часа позже обычного, так и не дождавшись профессора. И даже дома я каждые полчаса звонил и интересовался новостями.

– Леночка, ну что, появился профессор? – уже почти в полночь в очередной раз позвонил я на пост в клинику.

– Нет, Артём Борисович, никого нет, – ответила дежурная медсестра.

– Сделай запись в дневнике наблюдения, что больной Иванов и профессор Баев Игорь Викторович в рамках лечебного процесса в 14:23 покинули клинику и, начиная с 18:00, каждый час отмечай их отсутствие, – давая распоряжения, я словно предчувствовал что-то нехорошее.

– Хорошо, Артём Борисович, что-то еще?

– Если объявятся, звоните мне в любое время.

– Да, конечно.

Утром в моем кабинете уже сидели сотрудники ФСБ. Они имели при себе разрешение на арест всей документации по гражданину Иванову. И, собственно говоря, уже всё изъяли к моему приходу. Потом я дал расписку о том, что не буду покидать город в ближайшее время, и, когда я все-таки попытался узнать, что произошло, ответ был крайне исчерпывающим:

– Пока нельзя сказать однозначно, кто виноват в убийстве профессора Баева и вашего пациента по фамилии Иванов, – сухо ответил один из сотрудников ФСБ.

– Убийства?! – я даже растерялся, но потом все же добавил: – А санитар?

– Он жив, но пока под следствием, – ответил второй сотрудник. – Это дело очень резонансное, и я настоятельно рекомендую вам не давать никаких интервью прессе.

– Да, конечно.

Честно говоря, эта новость меня выбила из колеи. Весь день я только и думал об этом. Из СМИ я узнал, что профессор Баев и еще недавно мой пациент Иванов были застрелены на съемной квартире. Личные и ценные вещи были не тронуты. Мотивы убийства отсутствовали напрочь. Санитар, который ожидал в машине, оказался под следствием в статусе подозреваемого. И факт оставался фактом: вчера в районе 17:30 произошло нечто ужасное. Честно скажу: к вечеру голова просто раскалывалась от боли. Мне даже пришлось обратиться в «скорую помощь». Случился гипертонический криз. Но все обошлось, и к полуночи, приняв успокоительные таблетки, я уснул.

Дней через десять меня вызвали в полицию и в присутствии тех же двоих сотрудников ФСБ допросили, составили протокол ипустили. И это всё. Словно ничего и не было. Это дело как-то очень быстро исчезло из СМИ и интернета. И, наверное, эта история так бы и затерялась в лабиринтах памяти, если бы спустя месяц я не услышал очередную пресс-конференцию амбициозного Илона Маска. «Мы летим на Луну! – заявил харизматичный бизнесмен. – И пока эта территория не стала принадлежать другим странам на основании нелегитимных купчих, мы летим на Луну! Мы начнем там строить города, научные центры, и это будет первый шаг на пути к освоению космоса!»

Пожилой ведущий отложил тетрадку и посмотрел в камеру.

– Так описал раздел Луны мой дедушка. Это сейчас мы знаем, что анонимный крупный бизнесмен из Азии через подставное лицо, возможно, того самого пациента Иванова, скупил третью часть купчих на поверхность спутника в самом начале авантюры с «декларацией». В пятидесятых были обнародованы банковские переводы, весь мир искал этого землевладельца. Потом историю замяли, а сертификаты перевыпустили, уменьшив объем поверхности и сделав их на предъявителя. И на сегодняшний день тайный владелец третьей части Луны так и не объявился, но посмотрите, как Америка лоббирует «Лунную декларацию», не удивлюсь, что, как только администрация лунной колонии сдаст позиции и признает легитимность купчих в редакции 1998 года, сразу же объявится какой-нибудь белозубый янки и заявит, что он новый владелец половины поверхности. – Аркадий взял в руки дневник и достал заложенный между страниц ламинированный сертификат. – А вот и мой кусочек пирога! Да, это – лунный сертификат на стандартный кусок поверхности – десять квадратных метров.

Аноним: Чё ты тогда сидишь на Земле, а не пирюешь на Луне, там каждый метр поверхности стоит, как элитный особняк.

– Хороший вопрос, но те, кто внимательно смотрел стрим, вспомнят, – Аркадий поднял сертификат и пододвинул к нему камеру. – Право на получение отведенного участка – только по факту прилунения. Ребята, туда надо долететь! А в моем случае это ой как не просто.

Аноним 1: Развод. Закрой стрим. Чушь все это.

Аноним 2: Давай я за тебя получу землю?

– Веселые вы ребята, – отпил еще чая Аркадий Борисович. – Ну да ладно, завтра продолжим, вижу, тема с Луной вам нравится, так что будем говорить о Луне. На этом всё, эфир закончен, чат не выключаю, оставляйте комментарии и не забывайте подписываться на обновления. С уважением, ваш ведущий А.Б. Цап.

После этих слов чат опять закипел, двести анонимных пользователей печатали одновременно, но Аркадий Борисович уже не читал эти перлы. Завтра, все будет завтра. Сейчас надо из виртуального мира вернуться в привычный земной, где еще не приготовлен ужин, да и голова

свинцовая от мыслей о Луне. Впрочем, идея отправиться к сыну опасная, но заманчивая. И с ней тоже надо переспать, дабы на трезвую голову принимать решения, так что, улыбаясь, Цап выключил свет в кабинете и пошел на кухню – наслаждаться земной жизнью.

Рабочее название выпуска: «Некто Иванов».

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб. Спасибо за просмотр, человек!

Урна с прахом

До возвращения сына оставалось несколько минут, Аркадий Борисович пообедал, отснял программу, загрузил все на «Волдспик» и даже успел вздремнуть под монотонное бурчание телевизионной панели. А когда ровно в восемнадцать входная дверь со скрипом разъехалась и в комнату, сутулясь, вошел усталый Артём, Цап на радостях вскочил с места, но тут же сел обратно. Отводя взгляд, сын снял защитный ингалятор и осипшим голосом прошептал едва различимое: «Па, дай мне пару минут, и пойдем в город!» Расположившись на стуле, он не с первого раза подключил прозрачную маску к сонному модулю – словно деревянные от усталости пальцы не слушались, промахиваясь по клавишам монитора.

– Вот эту нажми, – попросил Артём.

И как только машина заработала, тело мгновенно обмякло, веки задрожали, как и губы, казалось, сын что-то бормотал сквозь сон, но это лишь напряжение трудного дня уступало место заряду бодрости. Грудная клетка неторопливо задвигалась, наполняя легкие воздушной смесью. Глубокий вдох, потом еще один и еще парочка – и вот уже на щеках появился едва уловимый румянец. Артём открыл глаза. Произошло потрясающее перевоплощение: полный решимости взгляд, добрая улыбка... Куда делась усталость, непонятно, даже не верилось, что организм способен так быстро меняться.

– Выглядишь бодрее, – разглядывая сына, заметил Цап-старший.

– Прости, не расслышал.

– Говорю, может, ну ее, экскурсию по городу, столько лет не виделись, посидим дома, – с улыбкой предложил отец. – Куда он денется, ваш город, а вот поговорить по душам когда еще доведется?

– Уверен? – расплылся в улыбке Артём

Старик полез в сумку с личными вещами, Приговаривая: «Ну конечно, уверен, и кстати, давно хотел тебе показать кое-что», он копошился там в поиске чего-то важного, и наконец из казавшейся бездонной сумки был извлечен ламинированный лист бумаги.

– Как насчет родового имени на спутнике? Целая сотка!

Артём звонко рассмеялся. И было от чего. Как выяснилось, купчая хоть и давала право на владение участком на Луне, но местные законы обязывали собственника облагородить купленную территорию, более того, поддерживать там микроклимат, пригодный для жизни. А если ты не выполнишь требования закона, будь добр вернуть участок государству. Причем даром.

– Так не честно! – возмутился Цап-старший. – А если я не желаю добывать руду и строить перевалочный модуль, а хочу продать его?

– Пожалуйста, но после создания инфраструктуры, продавать пустой участок запрещено искусственным разумом, – ответил Артём. – Система не проведет сделку.

– Представляю, во сколько обойдется сознание микроклимата и геологическая разведка местности, – пошутил Аркадий Борисович. – На одном найме техники можно разориться, и далеко не факт, что найдем что-то ценное.

– В точку, – заметил сын, наливая себе воды. – Хотя прецеденты были, некоторые участки Совет колонии выкупил у частных владельцев, но там были и полная инфраструктура, и пригодный для добычи микроклимат.

– И что теперь прикажешь делать с купчей?

– То же, что и все, – развел руками Артём. – Хранить до лучших времен. Сейчас цена на них мизерная, может, потом что-то изменится?

– А я думал, порадую сына наследством.

– Это, скорей, для внуков подарок, – ответил Артём. – Ну, или надо владеть удачным местом. Построить прозрачный крытый модуль на своей территории и собирать деньги с туристов.

– Погоди, ты хочешь сказать, что площадь Независимости – частная собственность?

– Да, она самая, – ответил сын. – И в этом случае лунные сертификаты оказались шикарным вложением. По статистике, Площадь – самое посещаемое место на спутнике. Туристам нравится вид оттуда на Землю.

– То есть это все-таки вопрос денег? – улыбнулся Цап-старший. – Ну, и времени.

– Скорей, удачи. Спутник давно распродан, но на практике только единицы могут реализовать право на собственность. Искусственный разум не обмануть, это тебе не человек, ему взятка не нужна.

– Как не нужна? А если электричеством на годы вперед? Это вы просто давать не умеете, вон наш иногда такое выдаст, что думаешь, а зачем вообще нужна эта железяка?

– Ха-ха, – рассмеялся Артём. – Сравнил, у вас все через корысть, а у нас система независимая, на спутнике всё по-другому, главная ценность колонии – люди. Ни богатства, ни роскошь, ни умные машины и даже знания ничего не стоят без человека.

– Не будь наивным, сын, людей никто и никогда не ценил, – возразил Цап-старший. – Как только задеваешь человека за живое, он в миг предаёт общество, которому клялся в верности, и это не искоренить в человеке.

– Па, правда, здесь все по-другому, ты идешь на работу на поверхность и не знаешь, вернешься домой или нет, ни одна умная система не даст тебе гарантии безопасности, и знаешь, как это сбивает спесь тщеславия с каждого колониста?!

– Ну разве что так.

– И еще, – не успокаивался сын, – Тут работают все, даже очень богатые люди.

– Работать – это правильно, но цель ваша в чем? – спросил отец.

– Будущее, светлое чистое будущее!

– Ох, как приторно это звучит, и что-то напоминает из прошлого, – съязвил Цап-старший.

– Ты не понимаешь, это другое, – стоял на своем Артём. – Мы верим в человека! В его разум, его волю и силу мысли. Человек на спутнике подобен творцу, в его руках всё! Он создатель!

– Только человек? А как же Бог? – грустно вздохнув, спросил Цап-старший. – Разве ты забыл, что люди без Бога в сердце – животные.

– Ну вот ты лично веришь в Бога? Ты же врач.

– Верю, и убежден, в космосе вера должна быть сильнее, – почесал в затылке Аркадий Борисович. – Всё же ближе к создателю.

– Хм, – усмехнулся сын и налил отцу воды. – А по мне, космос – это безжалостный убийца, которому плевать, во что ты веришь: во вселенскую мудрость Бога, в интеллект машин, да во что угодно, даже в счастливую монетку в кармане. Космос отнимет жизни, не задумываясь, а значит, Бога тут нет.

– Плохо искали, – с нотками обиды ответил Цап-старший.

– Некогда искать, здесь не получится свою ношу переложить на плечи соседа и празднично искать смысл бытия, космос не прощает такого. И может, поэтому в цене человеческая жизнь, а все остальное...

– Так-то оно так, сынок, – сделал глоток воды отец. – Но спроси себя, зачем? Зачем терпеть лишения, мучиться, когда по соседству пригодная для жизни планета?

– Потому что у вас ценят вещи, а не людей, – категорично ответил сын.

– И всё? Только ради этого терпеть лишения?

– Какие лишения? – не успокаивался Артём. – Да, сейчас трудно, но со временем и у нас появится комфорт, сначала всегда сложно, надо просто привыкнуть.

– «Привыкнуть»... Удобное слово, – ответил Цап-старший и на мгновение задумался. Ему не нравился этот спор, было понятно, что сына не переубедить и он насквозь пропитан духом первопроходцев, жаждой доказать собратьям, что человек может невозможное, хорошо это или плохо – время покажет, но что однозначно получилось, так это построить целый город в недрах непригодного для жизни спутника. И сделал это человек.

– А знаешь, к чему невозможно привыкнуть? – Аркадий Борисович покосился на шкаф с едой. – Ты жидкий корм видел?

– Попробовал все-таки, – рассмеялся Артём.

– Изучал, – с умным видом ответил Цап-старший. – И знаешь, сынок, питаться сублиматами долго нельзя, начнешь мяукать или гавкать.

– Не усложняй, и тут придумают решение, – с улыбкой ответил сын. – Все меняется, и это тоже изменят, просто привыкай, на спутнике все так. Сначала тяжело, но потом втягиваешься.

– О, «втянутся»! Могу поспорить, это второе по популярности слово в колонии, – подойдя к шкафу с едой, съязвил отец.

– Так, хватит придирается к мелочам! – ответил сын.

– Кто придирается? – возмутился Цап-старший. – Кстати, что на ужин?

– Есть одна фишка, – оживился сын. – Если смешать два вида сублимата, то получатся тосты с крем-пастой, но тут главное – правильный вкус...

– Хочешь сказать, кошачий корм может быть эстетически привлекательным?

– Да, – с гордостью ответил сын.

– Тогда показывай!

Весь вечер они болтали, запивая самодельные тарталетки водой, как два старых друга после долгой разлуки. И прав был Артём, говоря, что Луна особенное место, здесь начинаешь острее чувствовать жизнь, и дело даже не в опасности, дело в том, что ты вершишь невозможное, стоишь у горизонта чего-то нового, неизведанного, а значит, нет времени на притворство.

Человек закрепился на спутнике основательно, цепь подземных туннелей соединяет жилые постройки. Герметичные, вентилируемые, они – сосуды города. Каждый блок устроен таким образом, что в случае утечки воздуха быстро изолируется от остальных. В общей сложности, на спутнике живут почти полмиллиона колонистов. Официально город называется «Первый», тут вообще фетиш на нумерацию, сутки на местном – «двадцатьчетверка», неделя – «семерка», месяц – «тридцатка», ну и год, соответственно, «триста шестьдесят пять», при этом в разговорной речи использовались упрощения, хочешь сказать «год», говори «три шесть пять».

– Вот у вас заморочки на цифрах, – рассмеялся Цап-старший.

– Привыкнешь.

– Кстати, забываю спросить, а откуда тут студенты? В городе есть учебные заведения?

– Будут, команда Амиры Вонг предложила создать систему образования, – удивленно ответил сын. – Откуда знаешь про инициативу?

– Я о другом, – ответил Цап-старший. – Про быдло, которое мешает работе терминала на площади Независимости.

– Не пойму, о чем ты? – с набитым ртом спросил Артём.

– В обед смотрел новости. Там какие-то студенты парализовали работу терминала, – ответил Цап-старший.

– Это, наверно, выпускники космогеологи, те, кто по контрактам учится на планете для дальнейшей работы на темной стороне спутника. Сомнительная инициатива предыдущего главы.

– Так это ваши люди? – удивился Цап-старший. – Какого черта тогда они тут бастуют?

– Па, всегда есть недовольные.

– Ты слышал их требования? Вернуть управление колонии человеку. Больше независимости от искусственного разума. Хотят, чтобы Луна стала свободной.

– Спутник, – поправил сын.

– Прости, я не специально.

– Честно, плевать, что они требуют, – запивая водой ужин, сказал Артём. – Мы тут живем, а не они, и нам решать, куда двигаться.

– А если продают свою повесточку?

– Это проблема Главы, – ответил сын.

– Амиры Вонг?

– Её самой, – подтвердил Артём. – Вот пусть она и думает. Захотела быстрее получить гражданство – пусть суетится.

В колонии трудились и жили лучшие умы человечества. Передовые технологии в ядерной энергетике, медицине, генетике помогали людям вгрызаться в непригодные для жизни условия обитания. Политическое устройство было простым – методом открытого голосования выбирали одного из кандидатов, и он со своей командой, возлагал на себя ответственность за реализацию главных векторов развития города. Должность номинальная, не оплачиваемая, с единственной привилегией – досрочным правом получения гражданства. На спутнике каждый колонист приносил пользу посильным способом. Работали все! Кто не работал, лишался социальной поддержки, становясь туристом без права голоса по ключевым вопросам развития колонии. Основные статьи дохода колонии – добыча редкоземельных металлов, высокотехнологичная медицина и туризм, доход шел исключительно на поддержание экосистемы. В политическом пространстве колонии отсутствовали партии, были только выбранный Глава колонии и его команда – Совет колонии, в задачи которых входила разработка правовых актов, законов и норм поведения. Причем три провальных идеи – и снималась вся команда, получая пожизненный статус туристов. Система простая и надежная, высшей инстанцией был искусственный разум, основной задачей которого являлось сохранить и приумножить популяцию человека на Луне.

– Ты похоронил маму?

– Нет, – сглотнув ком, ответил сын. – Сначала думал, как вернусь на планету, вместе всё сделаем, а потом закрутился.

– Вернется он! – усмехнулся отец. – У тебя работы на годы вперед.

– Прости, – Артём полез в шкаф и достал титановую урну с прахом. – Пока так и стоит в шкафу, как немой укор.

– Надо похоронить, – с прищуром заметил Цап-старший.

– Не могу на Землю лететь, подал документы на гражданство, следовательно, обнулил подданство планеты.

– Тогда давай здесь, – постукивая по электронной бумаге, предложил Аркадий Борисович. – Участок есть.

– Исключено, – резко ответил сын. – Это несколько часов на поверхности, нагрузка, радиация, ладно я выдержу, а ты?

– Удвою дозу ингалятора, – предложил Аркадий Борисович. – Знаю, что рискованно, но надо это сделать, сынок.

Артём почесал бороду и с прищуром посмотрел на отца. Выход на поверхность, конечно, не запрещен, но это всегда риск, нужно согласование с надзорными органами, а с учетом возраста однозначно запретят. И тут даже не поможет участие в эксперименте по продлению жизни, рисковать здоровьем старика никто не захочет.

– Есть одна идея.

– Говори.

– Воспользуемся твоим туристическим статусом, но придется раскошелиться, – предложил Артём.

– Деньги не проблема, – оживился Цап-старший.

– Насколько помню, есть такие туры, где дают время на прогулку по грунту, разумеется, в строго отведенной зоне, максимум десять минут – пособирать камушки.

– А можно двадцать минут?

– Думаешь, не хватит?

– На похороны хватит, просто я хотел еще кое-что сделать.

– Пап! – с укором посмотрел на него Артём.

– Обычное дело. Раз уж идем на поверхность, то почему бы не повторить один эксперимент?

– Какой еще эксперимент? – раздраженно спросил Артём

– «Перо и молот».

– Ты сейчас серьезно? – посмотрел ему в глаза сын. – Ты понимаешь, что каждая минута на поверхности это смертельный риск?

– Понимаю, но закипает, – он постучал по груди, – Тут закипает, когда врут, а там один блохер пытается переписать истину. И раз уж рискуем, то, что такое лишние десять минут, для русского человека.

– Космосу плевать кто ты, – со сталью в голосе ответил сын.

– Не бойся, все будет хорошо, – улыбнулся старик. – Главное не думай о плохом, все умрем рано или поздно – ни страшно, прикопаешь рядом.

– Па, не болтай глупости!

– Ты просто не знаешь сути эксперимента, он не сложный, мы управимся за десять минут...

Артём молча слушал, с каким азартом отец описывал детали опыта, он смотрел на искрившийся от возбуждения взгляд отца и ловил себя на мысли, что давно не видел его таким счастливым. Отец чуть ли не подпрыгивал, как ребенок, от осознания, что сможет отстоять правду.

– Для тебя это важно? – спросил сын, и когда отец кивнул, обняв его, добавил: – Ладно, обещаю подумать, как обезопасить выход на поверхность. – Артём почесал бороду. – Теперь по времени, сегодня тройка, раньше шестерки никак, надо сделать примерный расчет дозы для ингалятора.

– Спасибо, сынок, – оживился Цап-старший.

– Не за что пока, – ответил сын и тут же строго добавил: – У тебя воротник цвет изменил. Пап, где ингалятор?

– Точно, – обратив внимание на одежду, засуетился Цап-старший. – Хоть не снимай его.

– Вот и не снимай.

– Не рычи, одеваю. Кстати, он просто чудо инженерной мысли. Энергии через край, тот, кто его придумал, настоящий гений.

– Пап, ты, главное, в проходных модулях без него не ходи, там фильтры слабые и воздух отравительный.

– Не бойся, без тебя из дому ни ногой!

– И не снимай умную одежду, – попросил сын. – Так я вижу уровень твоей физиологии. Не забывай, семьдесят два года – опасный возраст для жизни в пещерах спутника.

– Ладно, будет тебе пугать, – отец допил свою воду. – Слушай, а тут есть нормальная еда, как на Земле?

– Конечно есть, – улыбнулся Артём. – Пищевой шкаф – это мера социальной помощи, один прием концентрата равен шести часам бесперебойного функционирования всего организма, очень удобно, когда работаешь, а для эстетики нужно ехать в центр, там есть рестораны,

и тот же стейк, приготовленный лучшими поварами планеты, тебе разогреют и подадут с бокалом хорошего вина.

– Дорого?

– Приемлемо, но это больше для туристов и, честно, не стоит своих денег.

– А эта информация прям лучик надежды!

– Так никто и не говорил, что все так плохо, – ответил сын.

– Ну-ну расскажи это студентам на площади Независимости.

– Забей.

– О, третье по популярности слово.

– Ну, па, хватит придирааться, – убирая прах мамы в шкаф, попросил Артём. – Тут не так уж плохо.

– Согласен, могло быть и лучше, но пока народ привыкает.

– Па, прекрати!

Но отец продолжал и продолжал сыпать острыми шутками. Все-таки правильно сделал Аркадий Борисович, что не пошел в город, ну что он там увидит? А тут и посмеялись, и погрузили, когда еще доведется так поговорить по душам? Все правильно сделал А.Б. Цап, лучше и придумаешь.

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб.

Рекомендовано посмотреть архивный материал «Разговора по душам» от 3 мая 2089 года.

Спасибо за просмотр, человек!

Эфир от 3 мая 2089 года

– Привет, мир! Давно не выходил в прямой эфир, готовился. Смотрю, чат не умолкает, живет своей жизнью, и меня это радует, именно для этого все затевалось. Человеку нужен человек, даже если он на другом конце провода, – Аркадий Борисович отхлебнул чая из кружки. – Готовясь к эфиру, пересмотрел все ролики вашего Стэрка, хотел устроить разнос по полной, но...

Ведущий на мгновение замолчал, приглаживая редкие седые волосы на макушке. Умная камера изменила угол дальности кадра и плавно приблизилась к замершему с улыбкой на лице блогеру.

– Тема сегодняшней беседы – моя коллекция никому не нужных вещей, – Аркадий Борисович вытащил из ящика стола несколько книг и увесистый альбом в кожаном переплете. – В одной из передач кто-то упрекал меня, что это все вранье, так вот, хотел бы развеять ваши опасения, уважаемые подписчики. В моей коллекции книг нет дорогих подарочных изданий из плотной бумаги, мой интерес – исключительно самиздат, тираж которого не превышает сто экземпляров.

Камера сделала панораму разложенных на столе брошюр в прочных вакуумных пакетах с оценкой сохранности каждого из экспонатов.

– Вот, смотрите, монография по педагогике некоего Семёна Аркадьевича Рядова «Человек. Инструкция по эксплуатации». Тираж сто экземпляров. Брильянт моей коллекции, чуть позже объясню, почему.

Аноним. Рядов урод, который разрушил классическую педагогику.

– Ух ты, – читая сообщение, улыбнулся Цап. – Не думал, что среди подписчиков есть те, кто знаком с трудами Рядова. Да, его монография похоронила старую систему. И правильно сделала.

Несколько пользователей тут же поставили плюсики в общей ленте чата.

– Это, наверно, молодое поколение вступилось за новатора. Хотя мне как психиатру доводилось встречаться с Рядовым, более того, я его лечил, но об этом чуть позже. Продолжим о коллекционировании, – Аркадий Борисович показал другую книгу со смешным рисунком на обложке. – Прошу любить и жаловать, первый том трилогии некоего Рубэ-Кубэ (однозначно псевдоним) «Тараканы-пираты, покорители Карибского моря, или Реинкарнация Черной Бороды». Почти тысяча страниц, естественно, самиздат. Книга старая, поэтому помещена в защитный оптоволоконный пластик, если кому интересно, я отсканировал эти перлы и после эфира выложу ссылку на текст. Из достоинств книги, на минутку, вдумайтесь: восемь проданных экземпляров. Семь книг купили родственники на память и одну ваш покорный слуга, перед тем как автор снял с продажи первый том трилогии о легендарных тараканах. Другой яркий представитель коллекции – некто Роберт Воздовский, роман в стихах «Фурункулы и Сине-желтый гной любви», тут триста страниц и пять проданных экземпляров. Эти две – самые редкие представители графомании в моей коллекции, – Аркадий Борисович сделал глоток чая. – Уловили, какие именно книги я коллекционирую? Правильно, никому не нужные книги.

Аноним. При чем тут Рядов? И что за бред с его монографией? Вот, лови ссылку, тут как минимум два миллиона проданных учебных пособий.

– Объясняю, – прочитав претензию, сказал Цап и взял в руки книгу Рядова. – Моя коллекция никому не нужных книг началась с этой невзрачной темно-бордовой книжонки. Триста семьдесят шесть страниц педагогического трактата по преобразованию системы обучения – так заявлено в аннотации. Мягкая обложка, серая газетная бумага, стандартные для типографии принты, единый номер регистрации, в общем, все атрибуты печатного издания. Название,

правда, интригующее и со вкусом: «Человек. Инструкция по эксплуатации», а так – типичный самиздат, который приобрел масштаб эпидемии в начале двадцать первого века. Теперь появился другой вопрос: как так получилось, что знаменитый на весь мир новатор в педагогике получил место в моей коллекции никому не нужных книг? И ваш вопрос уместен, но, дабы ответить на него, давайте начнем с того дня, когда я, будучи врачом-психиатром, встретился с автором нашумевшей монографии.

Аркадий Борисович взял в руки потрепанный временем планшет и стал читать с электронного листа.

– Ни много ни мало это произошло тридцать лет тому назад, в далеком две тысячи пятьдесят девятом году. Хороший был год: мне сорок два, карьера на пике, семья, мысли о ребенке и проблемы, которые решаются денежными знаками. Живи и радуйся. До покупки первой книги в коллекцию оставалась пара месяцев. Как говорится, я стоял на пороге идеального хобби для будущей старости.

Умный помощник Боб сделал крупный план ведущего и повысил настройки звука, дабы зрители и слушатели могли уловить едва различимые полутона голоса. Аркадий Борисович поправил очки и продолжил чтение:

– Уверен, вы помните, что, начиная с шестидесят третьего года, нейронная сеть построила весь цикл образования – от детского сада до университета, на основе теории Рядова. Так называемое «модульное образование». Всем, кто не в курсе, коротко озвучу главный принцип – идея Рядова заключалась в следующем: он предлагал отменить оценочную шкалу в системе образования и упорядочить дисциплины для изучения, дав ученикам право самим выбирать вектор развития. Например, физически развитый парень не хочет тратить время на физику, химию и биологию, а предпочитает все часы обучения потратить на любимый вид спорта. Как быть? Надо позволить ему это, но с одним нюансом: сделать уроки по физкультуре многогранными, и тогда его увлечение спортом затронет базовые науки: биологию, физику, химию и математику. Ведь тот же баскетбол невозможен без математических подсчетов и статистики для построения схемы и тактики игры. Баскетбол невозможен без знаний предела анатомических ресурсов спортсмена. Также в игре просто необходимы знания аэродинамических свойств сферы, то есть мяча. И никуда не деться без химии в периоды восстановления спортивной формы после интенсивных нагрузок. И вот так, обучаясь, казалось бы, обычному баскетболу, ребенок получает всестороннее развитие. При такой форме обучения не нужны министерства и бюрократы, только педагог для организации учебного процесса и искусственный интеллект для вектора обучения. И сегодня постулаты Семёна Александровича – незыблемая истина. Более того, мы семимильными шагами идем к созданию социального рейтинга на основе идентичных принципов, это же здорово, когда умный помощник предопределяет твой жизненный путь, позволяя любому человеку реализоваться. Не будет второсортных профессий, не будет социальных различий, только кластеры, в которых объективный рейтинг – как визитная карточка. Разве не идеальная модель общества? – Аркадий Борисович сделал большой глоток. – Система пока тестируется, но вектор правильный. Спросите, при чем тут коллекционирование? – Цап взял планшет поудобнее. – Позвольте зачитать ответ, – он поправил очки. – Я ранее упоминал, что был знаком с Рядовым, так вот, наше знакомство состоялось в интернате для психохроников. При изучении анамнеза больного Рядова меня заинтриговала его жизнь: он вырос в обычной интеллигентной семье, социальное окружение удовлетворительное, характеристика с места работы положительная, в браке не состоял, детей и судимостей не имел. В двадцать лет, после вуза, устроился преподавателем в школу и якобы написал книгу. В двадцать два года потерял в авиакатастрофе приемных родителей, но, как написано в характеристике с рабочего места, не замкнулся в себе, а продолжил трудовую деятельность. Его психическое здоровье пошатнулось после заявки на аспирантуру, в двадцать пять лет. Рядов издал написанную за годы работы в школе книгу и потребовал признать себя доктором наук и, как следствие, немедленно начать

реформу образования. Это был манифест болезни. После курса терапии состояние улучшилось, и бредовые идеи потеряли актуальность, но требовалось время, чтобы, во-первых, реабилитировать больного, а во-вторых, не допустить повторного обострения. Теперь немного воспоминаний из дневника, цитирую аудиозапись приема:

«– Семён Александрович, вы продолжаете настаивать, что стали заложником заговора? – спросил тогдашний я.

– Да, – уверенно ответил тучный мужчина в больничной пижаме. – Они поняли, что мои идеи принесут плоды, и решили меня изолировать.

– Понятно, а что за история с научной степенью?

– Комиссию испугал бунтарский подход к науке, – с прищуром ответил пациент. – Прочли мою книгу, и она изменила их жизнь. Доктор, а хотите, я подарю вам экземпляр, ну, чтобы не покупать?

Одобрительно кивнув, я хотел спровоцировать больного на психопродукцию. Тогда все мои коллеги и комиссия были убеждены, что книга – часть его бреда, плод больного воображения.

– Вы обречены на перемены после прочтения, только разрешите покинуть больницу, и я обещаю принести книгу.

Круглолицый голубоглазый мужчина явно выделялся на фоне пациентов интерната. И, если честно, чем-то импонировал мне. Мы разговаривали около часа, пока больной, сославшись на усталость, не попросился обратно в палату. Он убедил меня, что книга существует и, мало того, ее можно купить. Наверно, поэтому я настоял на повторном патопсихологическом обследовании и параллельно решил найти научную работу Рядова.

Дома, после приятного ужина в кругу семьи, уставший и отрешенный, я без особых надежд листал ленту литературного сайта. По телевизору монотонно бубнил диктор политического ток-шоу, супруга на кухне раскладывала вымытую посуду. Обычный семейный вечер.

– Не может быть, – прошептал я, когда на популярной интернет-площадке мне предложили купить монографию Рядова за пятьсот рублей.

И я купил эту книгу, тот я, молодой специалист. Её доставили быстро. Бордовая однотонная обложка, триста семьдесят шесть страниц текста плюс все стандартные атрибуты печатной продукции. Читать этот педагогический труд я не стал, для начала необходимо было убедиться, что именно эту книгу написал пациент. Мало ли Рядовых С.А. в мире?»

– Еще один дословный эпизод аудиозаписи приема:

«– Вы всё еще думаете, что я психически больной? – грустно выдохнул Семён Александрович.

– А как вы думаете, почему вы здесь?

– Заговор! – очень уверенно ответил он. – Я неудобен верхушке власти, а самый верный способ обогатить и опорочить честное имя – это признать человека невменяемым.

– В одной из наших бесед вы упоминали о печатной монографии, напечатайте ее название?

– «Человек. Инструкция по применению», – уверенно ответил пациент.

– Вот как?! – немного растерянно произнес я. – Почему такое необычное название для книги по педагогике? Вам не кажется это странным?!

– Ни капли, – ответил пациент. – В книге я рассказал, как правильно обучить школьника, без бюрократов. И мы как вид просто обязаны обучать будущие поколения по моей схеме.

– Занятно, а как выглядит книга?

– Без пафоса. Стандартный шрифт, бордовая обложка. Хотите, я перескажу главные принципы?

И он в течение часа с придирчивой достоверностью рассказывал все, что помнил. Окончив прием, тот я был в смятении: идеи, изложенные гражданином Рядовым, были логичны, и,

мало того, они мне нравились, получалось, книга не отображала структуру бреда. Оставалось лишь прочитать монографию и соотнести написанное с услышанным.

Вечером, приготовив глинтвейн, тот я решил погрузиться в творчество Рядова. Книга была написана очень грузным, витиеватым языком с обилием сравнений и сложных речевых оборотов. Многие из сказанного пациентом прослеживались на страницах монографии, поэтому не было оснований сомневаться в авторстве. Но надежды на вменяемость Рядова разрушило повторное заключение патопсихологов, они констатировали распад личностных структур и обострение болезни. То есть, как бы ни хотелось видеть в больном сохранную личность, возможно, импонируя ему, пришлось принять неизбежную истину, что тяжелое заболевание прогрессировало.

И вот он, момент встречи с пациентом, который расставил все точки над «и»:

– Опять будем говорить о моей книге? – поудобнее располагаясь в кресле, спросил Рядов.

– Я хотел бы спросить, вы давали кому-либо читать ваш труд?

– Мама и папа ее читают.

– Читают? – я приподнял брови.

– Да, вчера им звонил. Они добрались до двухсотой страницы, обещали ускориться. Просто я пообещал соседу дать почитать монографию, – ответил Рядов. – Возраст, что поделаешь.

– Спасибо, – я обвел слово «авиакатастрофа» в истории болезни пациента. – А вы не могли бы сейчас позвонить им? Хотел бы расспросить о вашем детстве.

– Конечно могу, если дадите телефон.

Он набрал несуществующий номер и на полном серьезе стал обсуждать мою просьбу с тишиной в трубке. Посыпался шизофренический бред. Получалась такая картина: патологический дефект в виде бреда брал начало с момента гибели родителей. То есть книгу писал относительно сохранный человек. Он даже опубликовал ее, заказал небольшой тираж. Потом случилась трагедия, которую он отказался принимать, и вся последующая реальность была искажена. А книгу, не читая, причислили к продукту бреда. Вот так все зерна были отделены от плевел. Затем последовал новый курс терапии, недолгая ремиссия, снова терапия, еще более короткая ремиссия и снова терапия, больной на глазах приобретал вид пациента с хроническим психическим заболеванием: он перестал за собой ухаживать, похудел, стал все чаще заговариваться и отводить взгляд при беседе, да и речь его стала менее связной и прагматичной. И через пару лет Семён Аркадьевич умер от сердечной недостаточности. Родных у него не было, впрочем, как и друзей. Пациента Рядова похоронили на больничном кладбище. Вот такая трагическая судьба. Но вернемся к книге, она долго переключалась из одного ящика в другой, направляясь на утилизацию, пока я не наткнулся на сайт, где отображалась статистика продаж. И это стало настоящим открытием».

Отложив дневник, Аркадий Борисович посмотрел в камеру и незаметно покосился на чат. Тот на удивление молчал, слушая историю.

– Двадцать две книги продал автор за пять лет. А через пару лет после его смерти, когда весь самиздат был отсканирован искусственным интеллектом, о Рядове заговорил весь научный мир. Ну а ваш покорный слуга со своей купленной книгой нашел еще одно хобби. Просто ИИ сделал статистику по продажам книг самиздата общедоступной. Вот как-то так!

Чат снова забурлил вопросами, но Аркадий Борисович, не обращая внимания, достал из стола кожаный альбом черного цвета и навел на него камеру. Это была коллекция пуговиц в пластиковых кармашках с картонными табличками, где бисерным почерком выписаны даты и время создания экземпляра. Чат распирало от милоты, разного рода смайлики сыпались один за другим. А особо понравившиеся экспонаты просили показать крупнее. И вот так эфир, который должен был стать разгромной передачей о Стэрке, стал уютной передачей о необычных хобби пожилого блогера. Пуговицы, книги и неторопливый бархатный голос ведущего – вот он, секрет успеха блогера А.Б. Цапа и его разговоров по душам.

Рабочее название выпуска: «Коллекция никому не нужных книг, или Топ-100 лучших программ недели».

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб. Спасибо за просмотр, человек!

Камнелом и платок

Камера взяла крупный план. Поправляя очки, старик проверил манжеты умной одежды. Никаких отклонений, ингалятор работал как часы, без перебоев и стабильно, а значит, надо делать новый выпуск «Разговоров по душам».

– Спешу развеять мифы о моем затянувшемся молчании. У вашего покорного слуги все хорошо. Как говорится, обжился на новом месте. А выпавшие из эфира два дня потратил на планирование эксперимента. – Аркадий Борисович указал камере на стол, там лежали камнелом и платок, а также роботизированное устройство с двумя зажимами.

Подробно рассказывая о предстоящем опыте, Цап намеренно приближал объектив к инвентарю. У зрителей не должно было возникнуть сомнений в подлинности происходящего. Никакой бутафории, только реальные вещи – титановый камнелом с пластиковой рукояткой, шелковый платок в полоску и по типу весов стойка с двумя клешнями, оснащенная электронной начинкой, управляемой голосом ну и секундомер, тот был электронным и легко выводился на экран. Собственно, всё. Инвентарь для эксперимента астронавтов «Аполлона» готов.

– Самым трудным оказалось найти замену перу, – дойдя до платка, пояснил Цап. – Закачать гусиное перо с планеты стоит, как крыло от шаттла, поэтому взяли мой платок. Думали взять бабочку, – Аркадий Борисович показал на себе. – Ой, не эту, настоящую, так та не подошла по весу, а платок соответствует. По молоту если у кого есть претензии, поясняю, специально взяли тяжелый камнелом, вес тот же. Надеюсь, к зажимам претензий нет, а то читаю ваши комментарии – всё не так, – экспериментатор с прищуром посмотрел в объектив и с ухмылкой добавил: – Ну что, попробуем в условиях комнаты повторить падение? – Аркадий Борисович прикрепил к столу роботизированные клешни и настроил зажимы на одновременное раскрытие. Потом специально взял паузу нагнетая интригу, а перед сбросом вообще заговорил с подписчиками:

– Задерживать дыхание, как Стэрк, не буду, так что с Богом! – он нажал на кнопку сброса.

Не так чтобы мгновенно, но существенно быстрее, издав характерный глухой звук, камнелом рухнул на металлический пол модуля. А платок, плавно паря, неторопливо приземлился на рукоятку.

– Сами всё видели, – довольный итогами опыта, почесал щеку Цап. – Итак, начнем анализ. Предметы падают не равномерно, логичен вопрос «почему?», ответ: микроклимат модуля идентичен земной атмосфере, что напрямую влияет на скорость падения. Плюс платок имеет большую площадь, а следовательно, сила сопротивления выше. – Аркадий Борисович вывел на экран компьютерную модель падения с учетом земной гравитации. – Да, на Земле скорость падения будет выше, но вы заметили отклонение от вектора падения? Нет? – Аркадий Борисович взял электронную ручку и сделал стопкадр. – Если мы проведем прямые оси от зажимов к полу, то в конце опыта станет понятно – отклонение предметов составляет семь градусов в сторону реактора, сердца города. А знаете, в чем фокус такого наклона? В подземных модулях! Они многослойны, внешний слой – бетон, а внутренний, преимущественно в жилых отсеках, состоит из полимерных сплавов: атомы металлов встраивают в карбоновую и углеродную решетку, дабы сохранить парамагнитные свойства, усиливая гравитацию. Понимаю, что ничего не понятно, но потерпите, – Цап вывел на экран схему подземного города. – Сердце Первого города – это электромагнитный термоядерный реактор, который помимо выработки энергии генерирует электромагнитное поле, и в свою очередь парамагнитные свойства жилых модулей распространяют его на отдаленные участки колонии, конечно, это не земное притяжение, но все же гравитация, – Цап вывел на экран картинку с экспериментом Стэрка. – А теперь посмотрите скриншоты начала и конца эксперимента блохера, причем я специально сделал засечки на углах кадра, чтобы вы поняли, на сколько градусов меняется ракурс. Уви-

дели? Да, девять градусов! – радостно вскрикнул Цап. – Этот блохер делал фейк чуть ли не под самым реактором!

Аркадий Борисович налил себе воды и с надменным видом победителя сел напротив камеры.

– Вот теперь вы понимаете, почему предметы падают с разной скоростью, сопротивление воздуха – раз, слабое электромагнитное поле – два, – подытожил Цап. – А чтобы эксперимент был идентичным, надо попасть на поверхность и уже там повторить падение, дабы поставить точку в этом споре. – Аркадий Борисович навел камеру на сына. – Ты готов?

– Убери камеру, – проворчал Артём.

– Он готов, – радостно заявил Цап, и они стали собирать вещи.

Погрузив оборудование на биофон, отец и сын неспешно пошли по узкому коридору в направлении к площади Независимости. По пути то и дело попадались люди в открытых бифах, и каждый кивком приветствовал парочку экспериментаторов, желал приятного часа, а узнавая о желании подняться на поверхность, добавлял: «Берегите себя!»

– Как они узнают, что мы идем наружу? – после обмена любезностями с очередным колонистом спросил Цап-старший.

– Этот маршрут ведет к выходу из города.

– А почему они говорят с нами, словно хорошие приятели? – не успокаивался отец. – Ты с ними знаком?

– Нет, но так принято, – ответил Артём. – При встрече ты обязан поздороваться. Если промолчал и прошел мимо, значит, у тебя какая-то проблема.

– И что с того?

– Подключат роботов, и пока проблема не решится, не оставят в покое.

– А, вот оно как, – улыбнулся Цап-старший.

– Общение – очень важная часть социума, – добавил Артём. – Ты если устал, встань на биф.

– Все нормально, – ответил отец. – Ингалятор работает, силы есть.

– Но если что, не терпи, говори.

– Тут промолчишь, – посмотрев на манжеты, пошутил Цап-старший. – Весь утыкан датчиками.

– Па, так надо, – подбодрил сын.

– А долго еще?

– Нет, почти пришли.

Перед выходом на площадь Независимости Артём надел ингалятор. Огромное крытое помещение потрясало своим величием. Примерно пятиметровой высоты прозрачный потолок позволял любоваться открытым космосом, а сама площадь располагалась так, что в северной ее части можно наблюдать за неспешным движением величественной планеты, колыбели человечества. Вместимость здания – до ста тысяч человек. Из привычного для глаз – магазинчики, офисы туристических фирм, закусочные с полуфабрикатами, все как в обычном мегаполисе, только с поправкой на низкую гравитацию и дрянной воздух за огромные деньги. Искусственный разум экономил на приезжих, запуская в проходные помещения низкообогащенную смесь (задохнуться не смогут, но и дышать полной грудью не позволяет статус), так что все пользовались масочными ингаляторами.

На уровне пола всю площадь опутывали электромагнитные дорожки, удобно передвигаться – зацепил электронный карабин биофона за нужный маршрут и можешь не волноваться, что заблудишься. И все бы ничего, но большую часть маршрутов перекрывала шумная толпа активистов. Расположившись в центре, они блокировали самые популярные туристические тропы, приходилось обходить по кругу протестующих, дабы не нарваться на крепких парней, что в хамской манере могли на раз-два испортить настроение любому туристу.

– За что рвете глотки, парни? – подходя к студентам, спросил Цап-старший.
– Не твое дело, дед, иди куда шел, – буркнул в ответ один из мордovorотов.
– Так ты стал тут по центру, – съязвил Цап-старший. – Не обойдешь.
– Ну, так пожалуйся Амуре Вонг.
– А при чем тут она? – стоял на своем Цап. – Ты дорогу загородил, а не госпожа Вонг.
– Нечего с ним говорить, – по-хамски оттолкнул Цапа худой активист. – Иди забейся в нору и не отсвечивай!

– Аккуратнее, уважаемый! – вступился за отца Артём.
– Смотри, лунатик голос подал.
– Еще одно оскорбление, и вызову стража порядка, – пригрозил Артём.
– И что он мне сделает? У меня земное гражданство, я тут турист, колонирик, – ответил тощий.

– Долой Вонг! Луна для людей! Луна для людей! – закричал стоявший рядом мордovorот. – Свободу Луне! Не роботам, а мне и тебе! Искусственный разум завис, кто не с нами, тот колонист! – прокричал он речевку, и тут же как под копирку толпа протестующих запрыгала на месте, выкрикивая: «Искусственный разум завис, кто не с нами, тот колонист!»

Цап-старший хотел что-то возразить, но сын, мотая головой, попросил не вмешиваться. Как он потом объяснил, это была золотая молодежь, дети богатых инвесторов. Надо признать, богатеи были проблемой для искусственного разума, они намеренно нарушали законы, отказываясь от работы, и скупали ресурсы для перепродажи. Даже поднятие штрафов не помогло изменить ситуацию, инвесторы с Земли буквально заваливали экономику колонии избыточными деньгами, раздувая инфляцию. А тут еще протесты на нейтральной территории, где законы колонии не работают. Так что на сегодняшний день даже искусственный разум не понимал, как с этим бороться.

– Ничего не меняется, – улыбнулся Аркадий Борисович. – Человек и на Луне такая же дрянь. Одни трудятся, а другим подавай революцию.

– На спутнике, – поправил его сын и протянул шлем от скафандра. – Идем, у нас свои дела, пусть этим занимается глава колонии.

Разглядывая шлем, Аркадий Борисович сглотнул подступивший к горлу ком и чуть слышно признался:

- Чё-то я разволновался!
- Увеличить дозу ингалятора?
- Нет, сейчас все пройдет.

Зайдя в отсек для выхода на поверхность, они принялись надевать экипировку, и, как только шлем винтовым движением включил подачу воздуха в скафандр, сын дотронулся до уха, указывая на голосовое управление электронной начинкой.

– Понял, – включив внутреннюю связь, ответил отец. – Раз, раз, ты меня слышишь?

– Да, слышу, – кивнул Артём. – Все управление голосовое и руками: большой палец вверх – «все хорошо», кулак – «у меня проблема», понял?

– Ага, – показал большой палец Цап-старший.

– Дыхательной смеси на два часа, – Артём включил электронную карту. – Наш участок далековато расположен, но зато плоская поверхность и почти нет кратеров, – демонстрируя снимки поверхности, объяснял Цап-младший. – Вот тут оптимальная площадка для эксперимента, а в этом месте можно будет похоронить прах мамы.

– Согласен, – закивал головой Аркадий Борисович.

– Тогда в путь.

– С Богом! – сказал Цап-старший.

– Бога тут нет, пап, – улыбнулся Артём, – Все атеисты.

– Не правда, – возразил отец, – Я в него верю, он всегда рядом!

Сын не стал возражать, просто поднял большой палец и открыл выход на поверхность. Сердце отца застучало сильнее, и в глаза ударил яркий свет солнца. Пару секунд, и глаза адаптировались. Кружась на месте, Аркадий Борисович, как маленький ребенок, разглядывал все вокруг. Черная непроглядная тьма над головой, серая, словно пудра, поверхность под ногами и неистовое биение сердца. Опустив подбородок, он попытался разглядеть воротник своей одежды, тот был в порядке, критической перегрузки органов не было, обычное волнение перед чем-то неизведанным. Сын взял его за руку и потянул к стоявшему в пяти метрах гиду. Рослый мужчина заправлял воздушной смесью резервуары скафандра. Отец и сын объяснили ему, кто они, тот окинул их взглядом и приказал покружиться, а потом попрыгать на месте.

– Зачем? – спросил Цап-старший.

– Надо проверить герметичность, скафандры старые, могут быть микротрещины, – достав моток клейкой ленты, ответил гид. – Не заметишь, как отморозишь часть тушки на таком холоде.

– Понял, – сказал Цап-старший и подпрыгнул на месте.

– Всё в порядке, – гид поднял большой палец вверх. – Идем.

Если обратиться к статистике, то за двадцатьчетверку на поверхность выходят тысячи астронавтов, для большинства это рутинная процедура, даже, несмотря на риск, сравни походу в супермаркет на Земле. И что радует – количество туристов, желающих побродить по лунному грунту, только растет.

– Не думал, что ходить в скафандре так хлопотно, – тяжело дыша, взял за руку сына Аркадий Борисович. – Этот дутый мешок ужасно неповоротлив, ощущение, что в нем летал еще Гагарин. Нет, серьезно! Он весь на латках.

– Тут половина скафандров такая, – ответил сын, помогая отцу идти.

– А можно быстрее шевелить ногами? – прикрикнул на них экскурсовод. – Вы что, боитесь улететь в космос?

– Да, – замахал руками Цап-старший.

– Глупости, – ответил по внутренней связи гид. – Хоть с горы прыгни, все равно упадешь в пыль, на тебе старая модель, у нее вес достаточный. Смело двигай ногами!

– Хорошо, попробую, – ускоряя шаг к луноходу, ответил Аркадий Борисович.

Забавно, но таких горе-туристов на поверхности было человек сто, и каждый с опаской двигался к стоянке луноходов. Экскурсоводы то и дело оборачивались на подопечных, подгоняя «первопроходцев» взмахами рук. Как муравьи, туристы маленькими группками шли к стоянке машин, словно те были кусковым сахаром, а не железными конями.

«Забавное зрелище, вот бы сделать панораму», – подумал Цап-старший, отпуская камеру на максимальную длину троса.

Парк луноходов был внушительный, под сотню машин, в основном они делились на два типа – гусеничные и колесные, каждая форма для своего вида грунта. Дорог на Луне никто не прокладывал, но сигнальные столбы в опасных местах присутствовали. За это отвечала не одна бригада роботов. Сыпучий грунт, кратеры, присыпанные мелкодисперсной пылью, и прочие ловушки, в которых техника может сломаться, выявлялись машинами и маркировались на картах. Искусственный разум следил за безопасностью туристов. Максимальная скорость луноходов – до пятидесяти километров в час, но, разумеется, никто не гонял на таких скоростях по поверхности. Неосторожный вираж – и на кочке может подкинуть так сильно, что вылетишь на орбиту. Отчасти поэтому машинами на поверхности управляли преимущественно роботы, правда, под чутким контролем человека.

– А это что за гусеница? – вмешался в эфир Цап-старший. – Почему в ней люди без скафандров?

– Модульные машины, корабли на колесах, там одна автоматика, – ответил Артём.

– Лунобусы, – с улыбкой заметил экскурсовод.

– Забавное название, – рассмеялся Цап. – И как долго в них можно находиться?
– Пять часов, – ответил экскурсовод. – Но нельзя гулять по спутнику.
– Поэтому мы движемся по старинке, на электрическом луноходе.
– А тут все машины электрические? – спросил Аркадий Борисович.
– Нет, есть и атомные, – в один голос ответили и сын, и экскурсовод.
– Машины для бурения оснащены миниреактором, – пояснил Артём. – Те могут годы на урановом стержне работать, но это промышленная техника.
– Понял, – крутя головой, как ребенок, который впервые в жизни ехал на авто, ответил блогер.

И было чем любоваться. Вид, конечно, невероятный. Несмотря на то, что камеру немного подергивало, ехать по серебряной дорожке, когда перед тобой раскинулся голубой полукруг величественного соседа – это незабываемые эмоции. Земля казалась такой близкой – протяни руку, и зачерпнешь воды из океана или погладишь один из континентов. Такой вид завораживал. Цап-старший поймал себя на мысли, что эмоции похожи на детские, когда они с отцом встречали его первый рассвет на рыбалке. Сначала глаза слипаются от долгого ожидания, но потом ты видишь, как на горизонте появляется солнце, и уже не можешь оторвать глаз. Так же и тут. В полной тишине, слегка подпрыгивая, ты смотришь на Землю и черную бездну за ней и не веришь, что это реальность. Разве может человек совершить что-то подобное, такой хрупкий и неприспособленный к жизни организм? Едет по делам в открытом космосе на машине, разве это не чудо? И ты крутишь головой, видя лицо сидящего рядом сына, ощущаешь необычайно малую гравитацию, на каждой кочке держась за поручень, и понимаешь, что все это реально, а значит, ответ: «Да, может!»

Кабину резко качнуло, и все трое стукнулись о лобовую панель.

– Держимся, друзья, ничего страшного не произошло, просто у железяки проблемы с плавным торможением, – пошутил экскурсовод. – Итак, туристы, напоминаю, у вас десять минут, за маяки не выходить, камнями не кидаться.

– Нам надо двадцать минут, – сказал сын.

– Двойная оплата, – ответил гид, и Цап-старший поднял верх большой палец. – Приятного отдыха, парни! – добавил гид и включил таймер.

– Спасибо, – ответил Цап-младший. – Па, возьми урну, а я понесу оборудование.

– Ага, а куда несем?

– Вон тот камень видишь? – поправив камеру, спросил Цап-младший.

– Идеально, сынок, – ответил Аркадий Борисович. – Установим платформу на нем.

– Надо убедиться, что он плоский.

– А гвозди нам на что? – отковырнув кусок булыжника, съязвил Аркадий Борисович. – Порода пористая, думаю, выдержит.

– Тоже верно, – согласился Артём, и они неспешно пошли к камню.

Отступив от прежнего плана, они решили похоронить маму возле этого же камня, нацарапав на нем имя и дату смерти. Так будет лучше, пусть камень станет импровизированным памятником. Так что, закопав урну и утрамбовав грунт, они молча переглянулись, и младший показал на запястье, намекая на время. Надо было ускоряться, и Аркадий Борисович ловким движением вбил крепеж в середину камня, но уже с другой стороны. А затем, проверяя надежность, потянул на себя конструкцию. Сцепка на удивление оказалась жесткой. Сразу следом сын установил платформу и поместил в один из зажимов камнемол.

– У нас проблема, – разглядывая платок, сказал Артём. – Ткань ломается от холода, клешня его расколет.

– Вижу, – раздраженно заявил Аркадий Борисович. – А что если за кончик зацепить?

– Тогда визуально он будет ниже молота.

Артём вставил хрупкий платок между лапками клешни и показал рукой, насколько тот ниже уровня камнелома.

– Надо на один уровень! – стоял на своем Цап-младший.

– Да знаю! Сейчас попробую поднять один из зажимов.

Но зажим не поднимался на нужную высоту, не хватало буквально пяти сантиметров, а идея смять платок перед тем, как он станет сосулькой, как говорится, пришла с запозданием. Решения не было, а время безжалостно тикало, расходуя воздушную смесь.

– Делаем опыт с такой разницей! – приказал Цап-старший и взял в руки камеру. – Отойди.

– Как знаешь, – буркнул сын и сделал пару шагов в сторону.

– Уважаемые зрители, – начал блогер. – Не обращайтесь внимания на неровность и, как следствие, разницу в стартовых позициях между камнеломом и платком, ваш покорный слуга не учел, что ткань изменит структуру в открытом космосе. Так что мы вычтем это расстояние при анализе данных. Итак, вывожу секундомер на монитор. Ну что, готовы?

– Нет, стоп! – крикнул Артём. – Давай отломим кусок платка? – предложил он и легким движением руки отделил кончик. – Вот теперь на одной линии.

– Кстати, решение! – усмехнулся Цап-старший. – Теперь всё на своих местах, а значит, жми кнопку!

Палец надавил на сенсор, и оба предмета начали падение. Разные по массе и форме, они с одинаковой скоростью, словно непримиримые соперники-спринтеры, старались не отстать друг от друга. «Забег» был недолгим, всего три секунды – и финиш. Оба предмета упали на серый грунт, так и не выяснив, кто же лучший «бегун».

– Да! – закричал Цап. – Так тебе, Стэрк! Мы сделали это! Да! Собственно, вы сами всё видели, законы физики в безвоздушном пространстве с одинаковой гравитацией отменяют разницу в массе тела. Вывод: нельзя верить современным блохерам, они преподносят информацию однобоко и всегда в угоду чьим-то корыстным интересам.

– Па, это было круто! – похлопав отца по плечу, сказал Артём.

– Истина – она такая, сынок.

– Эй, парни, время, – крикнул по рации экскурсовод.

– Идем, – собирая вещи, в один голос ответили отец и сын. – Идем!

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб.

Спасибо за просмотр, человек!

Радиация

Увы, но там, где тонко, всегда рвется.

С момента выхода на поверхность прошла неделя, семь двадцатьчетверок. Весь утыканный датчиками, Аркадий Борисович боролся за жизнь. Медицинский модуль существенно отличался от сонного, прежде всего размерами и начинкой – огромное количество инструментов для сохранения жизни, но внешне – тот же кокон. А случилось следующее: выход на поверхность, как и длительное пребывание фактически в космосе, не прошли бесследно. Плюс солнечная буря, на подходе к городу луноход попал в мощный поток частиц, и, собственно, каждый астронавт получил месячную дозу облучения. Радиация беспощадна, и если Артём и гид отделались легким недомоганием, то у Цапа-старшего нарушилась функция кроветворения. Причем внезапно: сильное недомогание, слабость и субфебрильная температура не купировались медикаментами. Так что пришлось погрузить блогера в медикаментозный сон и начать очистку организма.

– Па, ты меня напугал, – заметив, что Цап-старший открыл глаза, сказал сын. – Как себя чувствуешь?

– А что случилось? – поднимая спинку модуля, спросил Аркадий Борисович. – Где я?

– В медблоке, организм дал сбой, – грустно ответил сын. – А я говорил, нельзя рисковать в твоём возрасте, и так все работает на максимуме.

– Так все-таки помехи на обратном пути оказались бурей?

– Ну да, – почесал бороду Артём.

– И сколько я проспал?

– Семь двадцатьчетверок.

– Неделю? – удивился Цап-старший. – Мы у тебя на работе?

– Ну, ты же хотел посмотреть, – улыбнулся Артём. – Вот и посмотрел.

– Точнее – опробовал на себе, – рассмеялся Цап-старший.

Медицинское помещение было просторнее жилых модулей, да и воздух чище, отсутствовал пищевой шкаф, роботы имели более современный вид, некоторые были оснащены силиконовыми масками для имитации мимики человека. Пять больших коконов с множеством сенсоров и датчиков, и все пять работали круглосуточно. Такие министанции были по всему городу, в их задачу входило лечение и профилактика колонистов.

Модули редко пустовали, по соседству с Цапом лежали темнокожий старатель, получивший сильное обморожение, чуть дальше коренастый мужчина проходил реабилитацию после тридцатки на поверхности (Артём «познакомил» отца с соседями) – плечистый парень, вероятно, тоже, старатель. Одним словом, коечный фонд не простаивал.

– И что у меня сломалось?

– Иммунная система дала сбой, – ответил сын. – Нетипичная анемия с резким повышением онкомаркеров. Организм не смог быстро отреагировать на изменение среды. Постоянная подпитка ингалятором сглаживает последствия, но надо менять микроклимат.

– Все так плохо?

– Честно – да. Ты не сможешь тут жить.

– Знаешь, что я захотел? – оживился Цап-старший. – Паштета из гусиной печени на сухом крекере со вкусом багета с оливками.

– Вы прям гурман, батенька! – рассмеялся Артём. – Потерпишь до обеда?

– Долго. Неси двойную порцию, – настаивал Цап-старший. – Скажи, я – врач, мне можно.

– Пациент, вы хотите нарушить режим? Роботы это не одобряют! – наморщив лоб, поинтересовался сын. – Осталась какая-то тридцатка часа, потерпите.

– Целых полчаса! – сглотнув слюну, сказал Цап-старший. – Садисты! Вот за что я не люблю роботов, они не понимают, какой кайф – нарушать правила. – Он сел поудобнее. – Ладно, потерплю. Кстати, не заглядывал на мою страничку, как там наш эксперимент?

– В топ-тысяче самых просматриваемых стримов, – с гордостью заявил сын.

– Не может быть!

– Может, – он протянул отцу его биофон. – Заодно посмотрел твои эфиры. Всё понравилось! Они такие самобытные, глубокие, со смыслом. И я не один так думаю, знал бы ты, сколько у тебя авторизированных подписчиков!

– И сколько? – с дрожью в голосе спросил Аркадий Борисович.

– Около миллиона или даже больше, сейчас уточню, – он достал биофон и открыл личный кабинет.

Конечно же, Цап-старший хотел услышать цифру, но, с другой стороны, какой в этом смысл? Разве имеет значение, сколько людей на тебя подписаны? Важно совсем другое – тебя смотрят, тебя слушают и скоро начнут подражать. Вот что главное, и значит, всё не зря.

– Нет, стой! – замотал головой Цап-старший. – Лучше не показывай, я ведь обещал, что не буду смотреть.

– Прости, забыл. Точно не хочешь знать?

– А смысл? – с улыбкой ответил старик. – Лучше почитай, что пишут в комментариях.

– Это пожалуйста.

В комментариях ничего не поменялось, фанаты Стэрка поливали грязью за разоблачение их кумира, отыскивая нестыковки в эфире пожилого блогера, а поклонники, не скупясь на крепкое словцо, посылали куда подальше всю эту шушеру. Радовало, что армия фанатов множилась, как и количество просмотров. Листая комментарии, Аркадий Борисович по-отцовски улыбался, понимая, что его «Разговоры по душам» уже жили своей жизнью. И кто бы мог подумать, что для успеха не нужно шокировать публику, заливать донат, менять внешность, врать о популярных вещах и делать прочее безумство для быстрой славы, а нужно просто говорить правду, оставаясь собой? Кто бы мог подумать, что это будет работать, и мир начнет тебя слушать?

А вот еще один волнительный момент – дезлайк от самого Стэрка.

– Ого! Он таки смотрит мой канал, – сев поудобнее, открыл страничку блохера Цап-старший. – Глянь, что нашел на его странице!

Развернув биофон, отец включил видео: Темнокожий ведущий первого новостного канала рассказывал об увеличении количества протестующих и уже полной остановке туристического потока. Нехорошая складывалась ситуация, правительство спутника молчало, студенты нагнали, а граждане страдали. Туриндустрия – одна из статей дохода многих колонистов, так что репортер уже в открытую призвал власти разогнать горлопанов.

– Не понимаю я вашу Америку Вонг, почему она не даст команду на очистку территории? – досмотрев репортаж, спросил Аркадий Борисович.

– Терминал – нейтральная зона, а студенты все как один граждане Земли, – ответил Артём. – Нельзя просто так убрать их с площади, законы спутника не работают на этом маленьком клочке поверхности, при всей интеграции в колонию этот кусок – частная собственность богатея с Земли.

– Погоди, – стоял на своем Аркадий Борисович. – Они же мешают туристам, хамят и мусорят, это прямая угроза существованию колонии.

– Да, но делают это не в городе, – ответил сын. – Команда Вонг ускоренным темпом продвигает строительство нового пропускного пункта, и как только искусственный разум даст на это согласие, эти митингующие сгинут, как пена.

– Не сгинут, – возмутился Цап. – Напишите закон и выгоните их на Землю.

– Такого не будет, у команды Вонг третий фол на носу, а запретительные законы – это путь к фиаско, искусственный разум срезал так не одну команду, – ответил Артём. – Поэтому никто не рискует.

– Ты же говорил, должность номинальная, неоплачиваемая.

– Так и есть, но коэффициент выслуги лет самый большой. Многие не прочь рискнуть. Тебе дается пять лет, в которые главной задачей команды является законотворчество. Но если твой закон не будет работать или нанесет вред колонии, держи запрет на ПМЖ.

– Как у вас все сложно!

– Не сложно, просто надо привыкнуть, – заметив робота-помощника, сказал Артём. – А вот и обед, строго по расписанию, – он подозвал машину и активировал режим питания.

– Ну что, железный друг, а не заморить ли нам червячка? – потирая руки, пошутил Цап-старший.

– К сожалению, данный ассортимент не активен, – серьезно ответила машина, на что отец и сын в один голос рассмеялись.

– Осторожнее шути, – заметил Артём. – А то получишь сублемат со вкусом червей.

– Мне сделать заявку на расширение ассортимента, доктор Цап? – стоял на своем робот.

– Нет. РП-467, код 438, отменить задачу, – приказал Цап-младший.

– Алгоритм закрыт, жду новых распоряжений, – с улыбкой ответила машина, перейдя в режим ожидания.

Отключив голосовое управление, Артём предложил в ручном режиме выбрать нужные блюда, как он выразился, роботы не понимают шуток, так что с ними лучше вести себя предельно четко, иначе этот малыш поднял бы на уши всю медслужбу в поиске червячков. И за такое расточительство никто не похвалит.

После обеда в модуль зашел заведующий пятого медблока, невысокий седобородый брюнет с электронным бейджем на груди: «Доктор Роберт Кос». Карие глаза, высокий лоб и белоснежная улыбка – колонист располагал к себе с первых минут знакомства. Артём подошел к начальнику и показал последние данные анализов отца. Кивая, Роберт долго изучал показатели, потом неодобрительно наморщил лоб и стал на чем-то настаивать, аргументируя доводы цифрами на электронной бумаге. Наконец они обратили внимание на пациента и оба подошли к модулю Цапа.

– Аркадий Борисович, – начал заведующий, – ситуация непростая. Артём Аркадьевич рассказал, что вы были психиатром, понимаете всю структуру медицинской службы, поэтому буду предельно откровенным.

– Не хочу домой, – закачал головой Цап-старший. – Ну, сколько мне осталось жить? Зачем эти муки с перелетом? А здесь хоть родная кровь.

– Понимаю, – Роберт сел рядом. – Проблема в другом, вас могут просто депортировать.

– Спрячусь на площади Независимости.

– Увы, не сможете, – улыбнулся Роберт. – Но это полбеды, в случае депортации по медицинским показаниям машины обяжут сына сопровождать вас, – он сделал паузу и грустно посмотрел на Артёма. – Сами понимаете, как планета относится к колонистам, отказавшимся от ее гражданства.

– Как они узнают о моих проблемах со здоровьем?

– Уже знают, – указал на электронную бумагу Роберт.

– Искусственный разум дал вам две двадцатьчетверки, далее, по его прогнозам, болезнь в условиях спутника начнет прогрессировать, а значит, во избежание трагедии гражданин планеты подлежит депортации, – сказал Роберт. – Один вы не можете лететь, только в сопровождении. На оформление опекуна уйдет две-три двадцатьчетверки, так что роботы просто принудят Артёма лететь на Землю. А там сами знаете, что начнется: почему отказались от гражданства Земли, есть ли у вас непогашенные нарушения закона? И прочая бюрократия.

– Нет, стоп, что за бред, – Цап-старший отложил биофон. – Должен же быть нормальный выход.

– Улететь самому за две двадцатьчетверки, – грустно ответил Роберт.

– А если попросить вид на жительство?

– Прости, папа, не дадут. Слишком стар.

– А если утроить дозу ингалятора, чтобы поднять цифры в анализах?

– Исключено, – улыбнулся заведующий. – Мы и так рискуем, ваш организм работает на пределе возможного. Аркадий Борисович, вы же врач, должны понимать, что любое лекарство с легкостью может стать ядом.

– Ты говорил о моих заслугах? Может, их примут во внимание? Ну что им стоит дать вид на жительство старику?

– Это так не работает. Возраст – основная причина отказа, – стоял на своем сын. – За семь двадцатьчетверок я пять раз подал документы, даже загрузил в аналитическую базу искусственного разума все видеорепортажи твоего блога «Разговоры по душам», указал, что будешь популяризировать колонию, – сын протянул электронный бланк. – Ответ – нет!

– Вот же вредная железяка! – изучая документ, процедил Аркадий Борисович.

– Зря вы так расстраиваетесь, – улыбнулся Роберт. – Летите домой, восстановите здоровье, а через год мы вас снова пригласим на спутник.

Играя желваками, Цап-старший с прищуром смотрел в добрые глаза доктора и понимал, что систему не обмануть. Не работают тут лазейки, всё по букве закона.

– Домой так домой, – грустно выдохнул он. – Ладно, давай покупать билеты.

– Ну, вот и договорились, – улыбнулся Роберт. – Тогда поступим так. Я укажу, что вы отпросились на двенадцать часов, и надеюсь, за этот срок вы сможете улететь.

– Спасибо, – скупно ответил Цап.

– Ваш сын очень ценный сотрудник, и я не хотел бы лишаться такого специалиста.

– Приятно слышать, спасибо.

– Это вам спасибо за сына, – с улыбкой похлопал его по плечу заведующий и продолжил обход.

Через час, когда уже стало очевидным, что система помощи туристам не продаст билет, раз за разом выдавая абсурдную ошибку: «Отсутствие физического доступа к терминалу вылета», Аркадий Борисович попрощался с сыном и отправился на площадь Независимости, дабы лично купить билет в кассе терминала. Иных вариантов улететь со спутника не было.

Монтаж и редактуру выполнил умный помощник робот Боб.

Спасибо за просмотр, человек!

Хочу домой!

Все, что сказал доктор Кос про депортацию, не было преувеличением. Логика искусственного разума построена на единственном принципе: интересы колонии превыше всего. И, несмотря на то, что Артём – перспективный работник, кандидат на гражданство, его отец – простой старик, который не принесет пользу обществу. Хуже того, он может погибнуть в ходе эксперимента по улучшению качества жизни, а значит, все материальные затраты лягут на плечи колонии. Рассматривая дела кандидатов на гражданство, искусственный разум просчитывал коэффициент полезности человека для колонии, счастливыми обладателями гражданства становились лишь те люди, чья польза от труда превышала затраты на содержание, все остальные получали отказ.

– Сынок, если ты меня смотришь, у меня проблема с посадкой на обратный рейс, – включив камеру, начал эфир Цап. – Эти полоумные студенты блокировали работу терминала. Теперь их требования нужно выполнить в двадцатичетырехчасовой срок, иначе они заблокируют не только туристические рейсы.

Аркадий Борисович прицепил камеру на жесткую сцепку и пошел к толпе митингующих.

– Убирайте свои баррикады! – с ходу закричал он. – Из-за вашей возни я не могу улететь домой!

– Ты кто такой, дед? – с ухмылкой спросил амбал.

– Говорю, откройте проход! – продолжал кричать блогер. – Люди не могут улететь!

– А нечего было прилетать!

– Потерпи, дедушка, – с улыбкой сказал другой студент. – Сейчас куратор с Земли прилунится и всё порешает.

– Вставай на нашу сторону – и будешь бесплатно летать с Земли на Луну!

– Не на Луну, а на спутник, – грубо ответил Цап.

– Я серьезно, дед, становись в наши ряды, – агитировал тощий студент. – Правление Амиры Вонг вот-вот закончится, а следом мы выключим искусственный разум, и Луна снова станет колонией людей.

В этот момент на взлетную полосу прилунился очередной шаттл, и вся молодежь как-то оживилась. Главари и активисты движения распорядились следить за полицейскими роботами, выдав мордоворотам электрошокеры на всякий случай, а сами пошли встречать важного гостя.

Одетая в брючный костюм пожилая американка, сверкая белоснежной улыбкой, то и дело позировала местным СМИ. Ее помощники раздавали шоколадные батончики всем митингующим, заверяя о беспрецедентной поддержке их действий со стороны мирового правительства. Возбужденная молодежь кричала в ответ «Искусственный разум завис! Кто не с нами, тот колонист!», подпрыгивая на месте. Неприятное зрелище: здоровые парни и девушки, словно единый безмозглый организм, скачут под лозунги на забаву кучки богачей. Опьянение верой, что протестом смогут улучшить качество жизни, они не ведали, что творят.

– Гоните в шею эту старуху! – закричал Цап, указывая на вещавшую с импровизированной трибуны американку. – Никто не будет делать спутник свободным! Они вам врут! Это всё ложь!

– Молчи, дед!

– Не будьте дураками! – еще громче возмутился Цап. – Кто вам будет создавать экосистему для общего пользования, по сути, в космосе?! Это дорого! Кто будет платить за это?

– А наши ресурсы добывать не дорого? – крикнула в ответ какая-то девушка.

– Ресурсы – капля в море, – ответил Цап. – А ну завязывай балаган, освободи терминал для обратных полетов, мне домой надо!

Старик решил силой пробиться к выходу из терминала, и у него почти получилось дойти до стойки регистрации, но кто-то из кураторов заметил камеру на цепке и крикнул мордоворотам: «Остановите деда, он провокатор Вонг!» Хлесткий хук в челюсть от темнокожего здоровяка сразу выключил сознание, ноги у Цапа подкосились, и Аркадий Борисович упал на металлический пол площади Независимости. Тут же посыпались удары ногами, били куда попало, в итоге только благодаря вмешательству робота-охранника удалось спасти бедолагу.

В сознание он пришел не сразу, а когда очнулся, ощутил дикую боль в области скул, рот не открывался, а челюсть опухла. Усилив дозу ингалятора, Цап подтянул к себе камеру, на ней были вмятины и разбит один из объективов.

«Хорошо – взял модель для экстремальной съемки», – подумал он и попытался улыбнуться, но получился оскал.

– Сэр, у вас все хорошо? – спросил робот-охранник. – Могу я вызвать медбригаду?

– Не... – сквозь стиснутые от боли зубы промычал Цап. – Свободен.

Опираясь на кресла, он направился к запасному выходу из терминала. Идея, конечно, была авантюрной, Аркадий Борисович хотел добраться пешком до грузового шаттла и попытаться договориться с пилотами о рейсе на Землю. И, в принципе, от технического выхода до стоянки кораблей было каких-то полкилометра ходу.

– Сэр, вам нельзя на поверхность, – сказал робот-охранник.

– Можно, – сквозь боль пробубнил Цап и, не обращая внимания на робота, включил заправку воздушной смесью. – Не лезь!

– Сэр, я буду вынужден сообщить об этом в органы правопорядка, – сканировал человека робот. – Вам будет выписан штраф за нарушение техники безопасности.

– Закрой люк, – невнятно прорычал Цап, присоединяя к скафандру емкости с воздушной смесью для дыхания. – И отойди, железяка!

Уверенным движением старик разгерметизировал запасный выход и с силой толкнул дверь, тут же активировались датчики атмосферы, заперев весь отсек. Сделав глубокий вдох, Аркадий Борисович перешагнул порог и ступил на лунный грунт. Сердце колотилось как ненормальное, он увеличил дозу в ингаляторе, и после этого ритм восстановился. Не спеша он пошел в сторону взлетной полосы. Ну, как полосы? Несколько спрессованных бетонных платформ из здешнего материала имитировали ровную поверхность для вертикального прилунения.

Возле грузовых кораблей крутились роботы и астронавты. Заметив туриста в скафандре, один из пилотов тут же приказал включить внутреннюю связь.

– Ты что тут делаешь? – закричал астронавт. – Бегом в город, тут опасно!

Аркадий Борисович в ответ мычал и пытался на пальцах объяснить, что у него сломана челюсть и он не может говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.